

светлана
Тончаренко
*Н*анский детектив
**УЙТИ КРАСИВО
И С ДЕНЬГАМИ**

Беза тут же всколыхнула кассиничку,
потому что кто-то дернул ее за косу.
Вадим, она решила увидеть,
как черная рука слаба
перехватывала Вадимов горло.

Светлана Гончаренко

Уйти красиво и с деньгами

«Центрполиграф»

2008

Гончаренко С. Г.

Уйти красиво и с деньгами / С. Г. Гончаренко —
«Центрполиграф», 2008

В самый разгар лета 1913 года Лизе Одинцовой, весьма привлекательной барышне, охваченной неумемной жадой приключений, встретился молодой человек по имени Иван Рянгин. Он совсем не походил на красавца с открытки, но оказался способен на поступок: пробрался ночью на городское кладбище, чтобы сорвать для Лизы ветку сирени. Там Иван услышал странные голоса и обнаружил роскошную шпильку для волос, чем заинтриговал своих друзей. Было решено во что бы то ни стало выяснить, кто и при каких обстоятельствах потерял ценную вещицу. Захватывающее расследование неожиданно превратилось в опасную игру, которая с каждым днем все больше затягивала девушку и ее нового знакомого в пучину таинственных и необъяснимых авантюр.

© Гончаренко С. Г., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

1	5
2	15
3	24
4	33
5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Светлана Георгиевна Гончаренко

Уйти красиво и с деньгами

1

Павел Терентьевич Одинцов широко прошуршал над столом газетой «Речь», свернул ее пополам, а затем, подумав, согнул поперек. Так удобнее было пробежать глазами самые мелкие заметки, до которых он еще не добрался. Обычно он успевал освоить все важное и серьезное до обеда. А вот житейская дребедень оставалась если не на сладкое (ничего аппетитного в криминальной хронике или перечне происшествий не было), то на необязательное потом.

– Что за гнусности случаются в наше время! – проворчал он через минуту. – Да, нравы... Всеобщее падение!.. Уму непостижимо!

Допивали чай. Разговоры шли вялые, на посторонние темы. Сестра Павла Терентьевича, Анна Терентьевна, спросила без всякого интереса, только для поддержания беседы:

– Какие гнусности? Опять беспорядки?

Сама Анна Терентьевна газет в руки не брала, потому что читала только романы (часто одни и те же и по многу раз). Мелкие и густые газетные буквы, тесные столбцы и вульгарные заголовки ей не нравились. А чего стоили большие листы той же «Речи», которые надо держать безобразно растопырив руки!

Писали журналисты, на ее взгляд, грубо и бестолково, темы выбирали неприятные, в объявлениях ввали. Особенно Анну Терентьевну раздражали политические новости – они всегда бывали нехороши или малопонятны. А ведь огорчений каждому и своих хватает! Вот, скажем, последняя: к лету все окна в доме затянули тюлем, но в столовую прорвалась-таки муха. С кухни, что ли?

Муха была июньская – тусклая, прыткая, бесшумная. Она вилась над крыжовенным вареньем. Пусть варенье третьего года, переварено до черноты и потому годится лишь для подачи в домашнем кругу – мухе даже в нем не место!

Павел Терентьевич открыл рот: он собрался зачитать вслух какую-то статейку. Страдальческий взгляд сестры остановил его. Павел Терентьевич вздохнул и принялся наблюдать за увертливой мухой. Улучив момент, когда негодная снизилась и пешком, резвыми рывками двинулась по скатерти, он прихлопнул ее свернутой «Речью». Затем ловко поддел трупик газетой и вышвырнул в окно, отогнув тюль.

Только после этого Анна Терентьевна снизошла до статейки.

– Так где, Паня, ты говоришь, были беспорядки? – переспросила она.

– Беспорядки, Анюточка? – удивился Павел Терентьевич.

Он снова расправил газету и нашел нужную заметку.

– Нет, тут хлеще – жанровая картинка в современном вкусе. Вот смотри что пишут: «В Могилеве в собственной квартире при магазине зарезан ювелир Яновский». Товару взято на четырнадцать тысяч рублей. Каков куш, а? Хорош?

– Не понимаю, чему ты радуешься? – пожал плечами Анна Терентьевна.

– Я не радуюсь, Анюточка, я возмущаюсь. Каковы подробности! «Очевидцы показали, что накануне вечером в магазине долго пребывала и смотрела бриллиантовые вещи некая элегантная дама». А ночью, представь, налет! Хороша дама? Украли именно то, к чему она приценивалась.

– Наверное, совпадение? У дамы хороший вкус, у воров тоже.

– А вот полиция полагает, что дама была с ворами заодно. Одни свидетели утверждают, что она была выдающейся красоты, другие – что уже в годах. Дама долго и откровенно любез-

ничала с несчастным Яновским. Я так думаю, какая-то пташка полусвета пустила в ход свои известные штучки. Вспомни Соньку Золотую Ручку! Старый пень Яновский – хотя, может, он и молодой был? но хорошо бы старый! – растаял и все свои закрома открыл. Ночью дамочка со своим любовником, а то и не с одним...

– Ради бога, Павел! Здесь Лиза! – вскинулась Анна Терентьевна.

Глазами и бровями она указала на племянницу, дочку Павла Терентьевича. Лиза рассеянно допивала третий стакан чаю и смотрела в окно. Там за тюлевой сеткой клонилось к горизонту медленное солнце. Оно было ярко-розовое, как леденец.

Статейку из «Речи» Лиза, судя по всему, пропустила мимо ушей. Тетка этому была рада: в шестнадцать лет девочке не положено знать, что у кого-то бывают любовники, что существуют дамы полусвета и их штучки, а ювелиров неизвестно кто режет на дому.

А вот что следует иметь на уме и языке приличной девице в воздушном Лизином возрасте, Анна Терентьевна знала отлично. Во всяком случае, лучше всех в Нетске. Воспитывалась она в Петербурге, в Павловском институте. Из этого почтенного заведения выпархивали в свет девицы самого безупречного тона. Среди них Анна Терентьевна была не из последних: при выпуске она даже получила медаль.

В захолустном Нетске Анна Терентьевна всегда чувствовала себя белой вороной. Это было не столько тягостно, сколько почетно. Уже более двадцати лет не залетало в эти края особы более светской. Манеры Анны Терентьевны давно были признаны образцовыми, а тон недостижимо столичным. Когда к кому-либо из России¹ наезжали интеллигентные родственники, Анну Терентьевну всегда звали в гости, чтобы придать беседам непринужденность и лоск. Она состояла во всех дамских комитетах и держалась с редким тактом. Несколько раз ее просили сопровождать состоятельных дам и девиц в столицы – к родне, к врачам, хлопотать по тяжбам. И за границу она однажды прокатилась потому, что дочка и жена маслоторговца Самохина сроду никуда из Нетска не выезжали, а значит, очень трусили поездов и немцев, среди которых Анна Терентьевна была как рыба в воде.

Самохины обе страдали нервами. Они желали излечения полного, основательного, самого современного и за деньгами не стояли. Мечталось им о каком-нибудь из Баденов.

«Бадены – это прошлый век!» – объявил передовой нетский доктор Гук и отправил больных в модную Бельгию, в город Остенде. Об этом Остенде и сама Анна Терентьевна слухом не слыхала. Но в путешествие с Самохиными пустилась – не пропадать же хворым бедняжкам из-за того, что они дики и ни к каким языкам не способны!

В Остенде пришлось просидеть почти четыре месяца. Все это время Самохины лечились. Трижды в сутки входили они в прохладные блеклые воды Северного моря и оставались там до появления синевы ногтей. Подрожав и растершись фланелью, больные с головы до ног облепливались мокрыми простынями и еще немного синели. Такова была проверенная метода.

Домой Самохины вернулись иззябшими и присмиревшими. От их нервных болезней не осталось и следа. Самохина-старшая, правда, втихомолку поругивала бельгийскую дороговизну. Самой близкой родне она признавалась, что, кабы знала, не ездила бы в такую даль, а стала бы обливаться на собственном заднем дворе из колодезного ведра. Простыней в доме тоже полно! Однако дочке лечение помогло – ее свадьба с наследником купца Быкова наконец сладилась. Значит, деньги в Европе потрачены были не зря.

У Анны же Терентьевны эта поездка оставила самые отрадные воспоминания. Прижимистые Самохины оплатили дорогу, гостиницу и хлопоты Анны Терентьевны с европейцами, не понимающими по-русски. Но не досталось на ее долю ни остендского доктора, ни мокрых простыней, ни пары дюжих мужиков, которые таскали больных дам к берегу в плетеных корзинах со шторками. Поэтому Анна Терентьевна даже не искупалась ни разу в модном море. Она

¹ Жители окраин (Сибири, Кавказа и т. п.) называли Россией европейскую часть империи в пределах средней полосы.

лишь гуляла по берегу, который славно припахивал свежестью, сырой рыбой и подзабытым Петербургом. Ветер норовил вырвать из рук Анны Терентьевны белый зонтик и утащить его в неласковые волны. Ленты трепетали на ее шляпе, глаза слезились от зеркальных зайчиков, которые мелькали и прыгали в море, в кафе подавали отличные сливки, и счастье казалось если не возможным, то легко вообразимым. Разве можно такое забыть? И не желать повторения?

Вот почему манеры Анны Терентьевны, ее светский тон, ее бойкий французский, немного спотыкающийся немецкий и никому не понятный английский считались небольшим, но прочным капиталом Одинцовых.

В остальном их дела шли неважно. Павел Терентьевич в своем страховом обществе жалование имел не ахти какое, а цены росли. Но главное, росла Лиза! Пока что в зимние месяцы ее выручало коричневое форменное платье Ольгинской гимназии, а на лето шилось и перешивалось что-нибудь простенькое, холстинковое. Светских удовольствий скромному ребенку, к счастью, не требовалось. Однако года через два на руки семейству должна была свалиться готовая невеста!

Воображая эти неминуемые времена, Анна Терентьевна всякий раз теряла покой. Еще бы: Лиза, девушка из прекрасной семьи, воспитанная безупречно...

Безупречно ли?

– Лиза, не горбись! Кисти рук на стол!

Анна Терентьевна наставительно позвякала ложечкой по краю чашки, Лиза лениво выпрямилась.

...девушка, воспитанная безупречно, образованная, красивая – или просто глаза привыкли, а на деле не такая уж красавица? Да нет, все в один голос твердят... или льстят?.. Хорошо, пусть даже не красавица, пусть просто девушка очаровательной наружности – но без средств! Что ее ждет? Глупая унылая служба в прогимназии, на телеграфе? Карьера пишбарышни в пишбюро? Нет, Лиза с ее нравом подобного не стерпит. Тогда жди беды...

– Многие девицы теперь стали чересчур бойки. Готовы буквально на все! Взять хотя бы наш кафешантан... – будто отозвался на мысли сестры Павел Терентьевич, хотя толковал, конечно, что-то свое.

– Павел! О чем ты говоришь! – машинально оборвала его Анна Терентьевна. Она вновь яростно и многозначительно выкатила глаза в сторону Лизы.

– О чем я? Да о случае в Могилеве, о чем же еще. Я полагаю, если цыпочка, которая смотрела бриллианты, в самом деле подавала старику – да пусть и не старику! – авансы, после со своим любовником...

– Что на тебя, Павел, сегодня нашло? Что за темы? Уволь! Я не стану больше слушать такие гадости, – тряхнула головой Анна Терентьевна, и сережки возмущенно качнулись в ее ушах. – У нас тут глушь, дичь, Азия – согласна! Но одно хорошо: никаких ужасов, слава богу, не случается. Умертвий, кровопролитий...

– На прошлой неделе застрелился поручик Шляпин, – подала голос Лиза. – Кровищи было!

– Не путай, пожалуйста! Это несчастный случай, – возразила Анна Терентьевна.

– Вовсе нет. Все знают – и вы, тетя Аня, тоже! – что Шляпин сам застрелился. Из-за любви к Зосе Пшежецкой. Представляю, как она радовалась.

– Лиза, что ты говоришь! Как можно такому радоваться?

– А почему нет? Когда из-за тебя стреляются? Я бы, например, счастлива была. Конечно, если бы Шляпин выжил и остался на всю жизнь калекой – красиво бледным, с легкой хромотой и черной повязкой на лбу – было бы еще лучше. Моя совесть тогда была бы совершенно спокойна. Но насмерть – тоже чудесно!

– Лиза!

– Вы, тетя Аня, только для вида возмущаетесь. Вы бы тоже такого хотели, я знаю.

– Чего такого?

– Чтоб из-за вас кто-нибудь застрелился. Например, инженер Бородаев.

– Что за бред!

Подобных дерзостей Анна Терентьевна снести не могла. Она шумно задышала и шлепнула по скатерти смятой салфеткой.

Лиза прикусила язык: сорвалась-таки, хотя намеревалась за обедом вести себя безупречно!

«Безупречно» было любимое теткино слово. Имелось еще одно грозное словцо – «беспрекословно». Саму Анну Терентьевну этими двумя словами можно было описать с головы до ног. Например, именно безупречно она была всегда одета к обеду: восседала за столом не в какой-нибудь блузе-распашонке, а в шелковом платье, в тугом скрипучем корсете, в светлых чулках и с пудренным носом. С самого раннего утра она была безупречно причесана. Это значило, что к собственной седоватой косе она прикрутила другую, тоже свою, но молодую, русую. Обе косы складывались горкой на макушке. Потом Анна Терентьевна вынимала из папильоток и взбивала надо лбом куст мелких кудрей. Точно такую же старомодную прическу носила вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Вообще Анна Терентьевна чем-то походила на многих императриц. Она знала это и нарочно даже дома держалась по-царски. Как это делать, она представляла хорошо, потому что в своем институте насмотрелась на августейших особ.

– Кстати, элегантная дама, посетившая ювелира Яновского, была неестественно белокура. Крашенная или в парике, – брезгливо добавил Павел Терентьевич. – О, нравы, нравы!

Он философски прихлебнул чаю, удерживая ложечку в стакане двумя пальцами. Чай оказался таким стылым, что даже глотать его не хотелось.

– Ты, Паня, прав, – вздохнула Анна Терентьевна. – Уж кого-кого, а воров в наше время развелось предостаточно. Сидишь и боишься. Жаль, что Керима нам пришлось отдать в деревню. Славный, верный был пес!

Павел Терентьевич фыркнул:

– Славный? А ты вспомни, как прошлым летом он цапнул за ляжку Пиановича! Бедняга тебе, кажется, стишки нес?

– Да, сочинения Бальмонта, – уточнила Анна Терентьевна. – Бедный Игнатий Феликсович! Он пострадал, а за что? Бальмонт, увы, совсем исписался. Оторвался от натуры, а я этого не люблю.

– Даже если б Бальмонт и не исписался, ему все трын-трава. А наш Игнатий, достойный интеллигентный человек, лишился своих варшавских штанов.

Анна Терентьевна строго заметила:

– Паня, в дамском обществе слово «штаны» неприемлемо!

– А как надо говорить? Порты?

– Лучше вовсе этот предмет одежды не упоминать, особенно при молодых девушках. Это неприлично, нехорошо.

– Почему? Люди ведь носят штаны! Это жизнь. Вот без штанов ходить действительно неприлично.

– Разумеется. Но согласись, разглагольствовать на подобные темы воспитанный человек не станет!

Лиза слушала пикировку отца с теткой вполуха. Они, как всегда, спорили от скуки. Молчать за столом Анна Терентьевна считала неприличным. Одна только Лиза, как девица, должна была помалкивать и приятно улыбаться.

Про улыбку Лиза то и дело забывала. А надо было быть начеку, иначе Анна Терентьевна поймет, что у племянницы что-то на уме, и засадит за рояль или рукоделие. Вот где настоящая пытка! Лизины неуклюжие вышивки, дырявые мережки, бесконечный лиловый чулок с про-

пущенными петлями стыдливо таились в самом дальнем углу комода – показать такое кому-нибудь было стыдно. Начатая зимой салфетка с фиалками превратилась в ткань Пенелопы, которое не двигалось, кажется, лет двадцать: кривые стежки тетя Анюта неумолимо выстригала и заставляла делать сызнова. Нет, только не пальцы...

Солнце задело огненным боком соседние крыши, и отец с теткой дружно зевнули. Первым не выдержал Павел Терентьевич:

– Я, Анюта, пожалуй, пойду вздремну. С четверть часа, не более. А вечером в клуб...

Анна Терентьевна ответила ему императорской улыбкой – снисходительной и немного печальной. Увы, из-за отсутствия собеседника ей самой придется до вечера прилечь...

Она перевела взгляд на Лизу. Лиза оказалась во всеоружии: глаза потуплены, кисти рук на столе, волосы аккуратно забраны за уши. Загляденье, а не девочка! И голос тихий, кроткий:

– Я, тетя, тоже пойду к себе. Почитаю мадам де Сегюр. В третий раз... Мне очень нравится!

– Конечно, мое дитя! Это будет хорошо для твоего французского.

– А потом на минутку загляну к Фрязиным? Заберу у Мурочки своего Тургенева...

Никакого Тургенева Лиза Мурочке не давала, но с полным правом покинула столовую. Пулей выскочила на крыльцо. Остались позади двор, сараи и огород, именуемый садом. Вот, наконец, забор и соседские владения.

По дороге Лиза первым делом растрепала волосы. У, эти голые оттопыренные уши – глупый знак девичьей скромности и благовоспитанности! У, эта тетя Анюта с ее Павловским институтом! Ни одна дама теперь не показывает в обществе уши. Кому они нужны?

Вообще-то тетку Лиза несколько не боялась и могла бы вытворять самые отчаянные штуки, не то что чесаться по своему вкусу. Но так уж была устроена тетя Анюта, что малейшее нарушение порядка ее убивало. Вернее, она сама говорила, что убивает. На самом деле она просто плакала, краснела лицом и начинала причитать, что у Лизы одно-единственное достоинство – безупречные манеры и репутация. С подобным капиталом сама тетка достойно прожила жизнь, а без него, напротив, давно бы погибла. Погибнет и Лиза, если растеряет свое сокровище.

После получаса тетких стенаний няня Артемьевна бежала за доктором Фрязиным, доктор прописывал Анне Терентьевне на лоб пузырь со льдом, а внутрь – бром. Больная помещалась на диване со множеством подушек-думок, которые сыпались на пол при малейшем ее движении и даже вздохе. Лизе всегда бывало ужасно стыдно, когда тетя Анюта из-за нее лечилась. Приходилось сидеть подле дивана, менять воду в графине или отсчитывать бромные капли (Лиза вечно сбивалась и забывала, сколько раз булькнуло в стакан). Еще надо было подбирать думки и засовывать их на место, в щель между диванной спинкой и тугим теткиным боком. Стыдно, стыдно, и тетю Анюту жалко!

Сегодня Лизе особенно не хотелось проштрафиться и спровадить тетку на диван: ведь она хотела сбежать к Мурочке и обсудить еще раз утреннее приключение.

Вспоминая о нем за обедом, Лиза всякий раз слегка подпрыгивала на стуле. Один раз даже уронила вилку. С чего бы? То, что случилось, и приключением-то всерьез не назовешь. Просто вполне самостоятельная и независимая девушка (и не при царе Горохе, а летом 1913 года!) взяла и познакомилась с молодым человеком. Подумаешь!

Однако с благовоспитанной Лизой такое случилось впервые – и не в гостях, не на какой-нибудь елке, не на улице даже, где бы она шествовала в неизменной теткиной компании и была представлена какому-нибудь приличному семейству. Нет, знакомство вышло само собой, и где – в публичном саду! Лиза считала себя очень современной и смелой, но сердце у нее до сих пор билось неровно, будто она весь день бегала вприпрыжку.

Знаменитый сад Копытиных, где все и произошло, никаким Копытиным теперь не принадлежал. Он давно был выкуплен в городское пользование у выродившейся фамилии, которая

промышляла мясом и кожами. Некогда Копытины жили на широкую ногу. Для собственного променада они проредили березовую рощу, выкорчевали кусты, наделали прямых дорожек и все это назвали садом. С копытинских времен до сих пор остались березы и несколько дряхлых ив. На их стволах зияли расщепы – следы гроз и пыльных бурь, которые случались в Нетске в разгар лета. В саду имелся небольшой кислый прудик, где две лодчонки – «Зина» и «Везувий» – клевали крашеными носами игрушечный причал. На эти лодки зарились только самые отчаянные романтики – в полнолуние, напрочь отбивающее рассудок. Кто в здравом уме сядет на весла в стоячей луже, когда совсем рядом, в двух кварталах отсюда, вольная река Неть?

Вечерами в саду Копытиных было весело: музыка тяжело вздыхала и кликала счастье пожарными трубами, горели настоящие электрические лампочки, подавались фруктовые воды, смеялись барышни. Но гимназистам, гимназисткам, епархиалкам и прочему несовершеннолетнему люду не было ходу в этот ночной Эдем. Бродила там лишь вполне взрослая, свыкшаяся с пороком публика. Она жевала пирожки, восседала на скамейках и утекала в глубь сада, где скрывалось дощатое чудище с резными наличниками в русском стиле – кафешантан.

Лиза в саду Копытиных бывала только днем, зато без тетки. С утра до обеда тут было царство няnek и глупых детишек. Лиза и ее подруга Мурочка Фрязина ходили в сад исключительно из-за качелей.

На качелях и случилось знакомство, которое не давало теперь Лизе покою. Началось с того, что Мурочка и Лиза катались, а совершенно неизвестный и никогда тут прежде не виданный молодой человек стоял рядом и на них глазел.

Мурочке, как всегда, от качелей стало дурно минуты через три. Не зря няня Артемьевна говорит, что голова у нее слабая. Это не значит, что Мурочка глупа. Напротив, учится она прилично, а в математике ей и вовсе нет равных – трехзначные числа запросто в уме складывает! Зато ее вечно укачивает в поезде, в пролетке и даже на санках.

А вот Лиза любила быструю езду («Как Чичиков», – язвила Мурочка, которая не только все читала, но и накрепко запоминала прочитанное). Еще Лиза обожала высоту, всяческую тряску, горки и велосипед. Большими качелями в саду Копытиных она никогда не могла насытиться. Мерные взлеты к вершинам берез, почти в небеса, а потом падения в бездну тени, к земле, к траве – о, если бы это не кончалось! Когда Лиза неслась вниз, внутри у нее вспыхивал холод и так сладко давил сердце, что глаза сами зажмуривались от блаженства.

– Чудо! – вскрикивала Лиза. – До чего я хочу, Мурочка, полететь на аэроплане! Эх, если бы снова этим летом в Нетске были авиаторы...

Авиаторов Лиза видела лишь однажды, два года назад. Странные их решетчатые машины зудели и кружились над Кичеевским полем. Публика ахала и не верила своим глазам. Многие ждали, что какой-нибудь аппарат свалится, зацепившись за крышу колокольни или за флагшток у палатки почетных гостей. Но все обошлось: авиаторы остались целехоньки. Они даже дали себя фотографировать, обнимать и носить на руках взад и вперед по пыльному полю. Их круглоголовые шлемы вошли в моду – такой надел даже губернаторский шофер вместо прежнего ушастого кепи.

В последний день полетов в воздух поднялись пассажиры из отчаянных нетских добровольцев – штабс-капитан Матлыгин, учитель физики Мухин и бесшабашная Зося Пшежецкая. Лиза стояла тогда в толпе и завидовала им до слез. Отец смеялся над ней, как над маленькой. Пусть теперь только попробует не пустить полетать!

Мурочка ни о каких аэропланах не помышляла, особенно на качелях. Она изо всех сил цеплялась побелевшими пальцами за гладкие жерди и бормотала: «Лиза! Хватит! Не могу больше! Даже ради тебя!»

Пришлось ее пожалеть. Бедная Мурочка выбралась на твердую, надежную землю и усеелась на скамейку тяжело дыша. Все вокруг казалось ей чрезмерным и противным: песок

дорожки ядовито блестел, воробьи свистали оглушительно, как сумасшедшие. «Никогда больше не стану на качелях болтаться!» – обещала подруге Мурочка.

Вот тогда-то и подошел к Лизе незнакомец. Он сказал:

– Можно с вами на качели?

– Можно, – ответила Лиза. – Только раскачивайте посильней.

Был незнакомец длинный, почти на голову выше Лизы, но вряд ли ее старше – просто мальчишка в полотняной белой косоворотке и с какой-то книжкой за поясом. Лизе он не понравился: слишком обыкновенный. Даже обыкновеннее обыкновенного – почти безбровый, белобрысый, с приглаженными мокрыми волосами. Должно быть, в Нети только что искупался. Его манеры не только тетя Анюта нашла бы дурными – улыбался невпопад, краснел поминутно. Герой!

Но был это первый незнакомец, самовольно вступивший в Лизину жизнь. За такую смелость она простила ему даже его шершавый, розовый, обожженный солнцем нос, готовый вот-вот облупиться.

Жаль все-таки, что не нашлось в нем ничего значительного и демонического. Лиза знала, что внимания достойны не такие вот костлявые мальчишки, а мужчины постарше и, главное, брюнеты. Например, трагик Варнавин-Бельский, всеобщий нетский кумир – настоящий брюнет. Таких называют жгучими. И адвокат Пианович тоже жгучий и считается красавцем. Вон он сидит за столиком под черемухами, играет в шахматы с ветеринаром Игруновым. Да, Пианович образцово темноволос! Усы и борода у него аккуратные, будто нарисованные, а глаза с прищуром, светло-карие – есть такой светлый изюм, самый крупный и сладкий, бухарский. Пожалуй, этот изюмный взгляд как раз подкачал: в глазах демонических брюнетов обязательно должна быть глубокая печаль. И еще, кажется, холодный блеск?

Пока Лиза не очень хорошо разбиралась в красоте сорокалетних мужчин. Она уже несколько раз слегка влюблялась, но все в одноклассников Вовы Фрязина, Мурочкиного брата, и в строжайшей от всех тайне. Недавно она завела дневник для душевных излияний. Пока там было всего три никчемных записи про погоду – на большее пороку не хватило. К первой странице она приклеила открытку: неизвестной девушке молодой человек дарит букет, подкрашенный едко-розовым. Открыточный молодой человек был само совершенство: усики демонические, в глазах блеск (наверное, холодный?), губки крошечные, тронутые той же розовой краской, а руки маленькие, почти женские.

У мальчишки с качелей руки, как назло, были большие, красные и даже – о ужас! – в цыпках. Нет, ровно ничего интересного в нем не было!

Несмотря на это, Лиза гордо летала на качелях среди берез и облаков. Еще бы – она свободна, смела и даже решилась кататься с незнакомцем. А уж незнакомец от нее прямо-таки в восторге. Как хорошо, что надела она белое платье, а не противное форменное! С форменного как раз сегодня тетка сводила чернильное пятно, а заодно распускала защипки, чтобы удлинить подол – Лиза очень выросла за последний год. Таким образом, о блошином коричневом цвете на время можно было забыть, хотя тетка, конечно, старалась и спешила. Как бывшая институтка, она полагала, что скромная барышня не должна щеголять по городским улицам дачными нарядами – вдруг директриса возьмет да увидит случайно какие-нибудь легкомысленные рукавички или короткую прошлогоднюю юбку.

Белое платье бросало на Лизино лицо снежные отсветы. Ее коса почти расплелась, и волосы золотой паутиной сияли у щек. В щеки, правда, впиалась резинка от проклятой шляпы-тарелки, этого воплощения безупречности. Лиза видела себя – даже двух одинаковых себя – в круглых зрачках незнакомца. Она видела свою соломенную шляпу, горящие на солнце волосы, свои раскинутые в стороны руки и белые рукава, которые раздувает ветер. Летало, ширилось и обливало холодом сердце, как всегда на качелях. Сама жизнь так и распахивалась навстречу всей своей синевой и блаженной неизвестностью. Нынешнее лето начиналось как другой мир!

– Вы совсем не боитесь высоты, – заметил незнакомец.

Его голос дрожал от смущения.

– Не боюсь, – беспечно подтвердила Лиза. – Я даже люблю высоту. Я бы очень хотела полетать на аэроплане или хотя бы на воздушном шаре.

– Воздушные шары признаются специалистами более безопасными. А вот их скорость и управляемость... Однако авиаторы то и дело разбиваются. Теперь, правда, все реже, – бубнил незнакомец.

Неужто он зануда?

– Я не разобьюсь! – усмехнулась Лиза. – Меня ангел держит. Так моя няня говорит.

Она тут же пожалела, что заикнулась про няню. Маленькая она, что ли? И вообще – «ах, няня, няня, здесь так душно!» – всей этой девчоночьей чепухи она терпеть не могла.

– Вы живете здесь недалеко, на Почтовой, – сказал вдруг незнакомец. – Я вас видел: вы заходили к Колчевским. Наверное, музыке учиться?

Незнакомец, который вульгарно болтался по Почтовой, разочаровал Лизу окончательно. Что он там делал? Уж не сам ли брал уроки у Колчевских? Может, это именно он упорно долбил арпеджио на гнусавой виолончели, которую Лиза всякий раз слышала через стену во время собственных уроков? Вот некстати! Тогда он быстро выяснит, что Лиза – одна из худших учениц мадам Колчевской. Пианино наряду с вышиванием салфеток числилось у нее среди инструментов пыток. Была, правда, надежда, что незнакомец бегаёт по Почтовой в лавку Мама-това за карамелью...

– Хотите леденцов? – в самом деле предложил блондин, начисто лишенный загадочности.

– Не хочу, спасибо, – холодно отказалась Лиза.

– Хорошие леденцы, ландринки...

Ну, о чем с таким разговаривать! Совсем плох.

Лиза устремила глаза в небо. Гряда ослепительных ватных облаков то неслась ей навстречу, то отступала назад. Скрипели качели, мерно трудился незнакомец, раскачивая небо и землю. Внизу, в черемухах, бил себя по коленке ветеринар Игрунов и тонко вскрикивал: «Эх я, шляпа! Слона зевнул!» Адвокат Пианович у Игрунова выигрывал и мало смотрел на доску. А вот Лизу на качелях он заметил и весело кивнул. Она долго потом ломала голову, прилично ли отсюда, с качелей, носясь вверх и вниз, раскланиваться со знакомыми.

– Меня зовут Иван, – представился блондин.

Он и фамилию свою назвал, но Лиза из-за качельного скрипа ее как следует не расслышала. Переспрашивать не стала – еще решит, что она тугоухая.

– Елизавета Павловна Одинцова, – ответила она вежливым взрослым голосом. – Давайте тормозить, мне домой пора.

Она сошла с качелей, надменно сдвинув шляпу на лоб, и направилась к Мурочке. Та на скамейке давно уже отдышалась и порозовела. Под руку они удалились из сада Копытиных, а Иван с неизвестно какой фамилией так и остался навтыяжку стоять у качелей. Лиза на него даже не обернулась. Она полагала, что выглядит очень взрослой, равнодушной и опасной.

За первым же поворотом улицы подруги, не сговариваясь, расхохотались. Мурочка сказала:

– До чего интересно вышло! Вот бы знать, кто он такой? А ты была ужасно спокойной. И говорила бойко. О чем, если не секрет?

– О музыке, – соврала Лиза. – Он неглуп, но очень неловок. Кажется, играет на виолончели.

Вряд ли играет, но не рассказывать же Мурочке про леденцы!

– Ты его, Лиза, просто с ног сшибла. Ошеломила! Он страшно смущался. И белое тебе ужасно к лицу!

Все-то у Мурочки страшно и ужасно!

– Только вот волосы страшно растрепались, – добавила она. – Все прохожие оглядываются. Вон тот хромой от самых качелей за нами тащится. Как пить дать, тетка убьет тебя, когда узнает, что ты на качелях вытворяла с посторонним мальчиком. Я думала, вы оттуда вверх тормашками свалитесь!

– Я ничего не вытворяла. Просто люблю, когда сильно раскачивают, – сказала Лиза. – И потом, откуда тетя узнает? Ты ведь не скажешь?

Мурочка обиделась:

– Как ты могла подумать! Никогда! Но там ведь сбоку Пианович сидел с ветеринаром. Они видели *все*!

– Думаешь, они наябедничают? – встревожилась Лиза. – Ветеринар вряд ли: он в шахматы глядел. А вот за Пиановича не поручусь – он часто у нас бывает. Этот может донести! Только зачем?

– От нечего делать, – веско ответила Мурочка. – Такова светская жизнь. Надо же говорить о чем-то в гостях! Младших всегда желают наставлять на истинный путь – уж мы-то с Володькой натерпелись от разных незваных очевидцев! Ты тоже должна знать, что сплетне ничего не стоит погубить репутацию. Вспомни бедную княжну Мери! Или драму «Маскарад». Ведь ужас!

Начитанная Мурочка всегда очень кстати приводила примеры из книжек. Лиза задумалась. Принесла же нелегкая сегодня Пиановича с его шахматами! Если тетя Аня узнает про Лизины вольности, чего доброго, перестанет пускать в сад Копытиных. А Лиза почему-то твердо знала, что блондин в косоворотке, хоть и не имеет за душой ни капли демонического, завтра будет ждать ее у качелей. И послезавтра будет ждать. И еще долго. Хорошо бы вечно! И если, не дождавшись ее никогда, он застрелится, как поручик Шляпин... Вот было бы отлично!

За обедом Лизе в голову все время лез этот незнакомец из сада Копытиных, а перед глазами качались березовые вершины. Даже качельный скрип стоял в ушах. Почему-то виделась и нога Пиановича, укушенная в прошлом году свирепым Керимом. Округлая эта нога была обтянута полосатой штаниной и время от времени злорадно притопывала по метеному садовому песку. Припомнился и какой-то облезлый господин с толстой тростью, который стоял не у качелей, а поодаль. Когда подруги вышли из ворот сада Копытиных, этот господин, прихрамывая, все время поспевал за ними, только по другой стороне улицы. Мурочка тоже его заметила. Что за Мефистофель? Что ему нужно? Противный невозможно! Впрочем, подобных персон Лиза тогда нисколько не опасалась – они не были вхожи в приличный дом Одинцовых и ничем ей навредить не могли. Зато знакомый адвокат...

Любопытно, зайдет ли Пианович вечером к отцу перед клубом? Встретиться с ним было бы неприятно. Вдруг он вместо привычного «Все хорошеете, Бетти!» ляпнет что-нибудь про растрепанную косу и качели? Ай-яй-яй...

Лиза привычно одолела дыру в заборе и оказалась в саду Фрязиных. Сад этот совсем не походил на владения Одинцовых, где росли патриархальные смородина с крыжовником и были устроены огуречные гряды, высокие, как скамейки. У Фрязиных все выглядело щегольски: ровные дорожки, стриженные кусты. На клумбах ярко зеленели, никак не решаясь зацвести, маргаритки и левкои. Беседок у Фрязиных было целых две. Новая, просторная, с трех сторон занавешена полосатым тиком – здесь принимали гостей и пили чай, жестоко страдая от комаров.

А вот старую беседку, еле заметную за кустами, давно не чинили и не красили. Она покосилась, ее пол бархатно замшел и в одном месте провалился. В крыше светились сплошные прорехи. Мурочка находила все это очень романтичным. Почему-то ей казалось, что Татьяна Ларина мечтала точно в таком же ветхом строении, поэтому беседку она называла ларинской. После обеда подруги обычно встречались именно там.

Лиза забралась в беседку и уселась на шаткую скамью. Уединение располагало к глубоким размышлениям. Вот бы узнать, кто такой этот Иван? Вдруг какой-нибудь обормот, оставленный на третий год в пятом классе? Плохо, что Мурочка не идет в сад. Скоро уже солнце сядет!

Из своей засады Лиза видела не только зады фрязинского дома. Сквозь щели в заборе можно было наблюдать, что происходит в безымянном глухом проулке. Только ничего и никогда там не происходило. С другой стороны, за кустами, виднелся угол дома Одинцовых, где была комната тети Анюты. Анна Терентьевна с послеобеденным сном уже покончила: в окне двигалась ее тень. Блеснула зеркальная дверь открываемого шкафа – это тетка достала лиловое платье с зелеными точечками. Сейчас она в это платье облачится, коралловые сережки поменяет на длинные, с зелеными камушками, которые называются так же, как теткины любимые духи – гелиотроп. И соберутся гости чайку попить, поболтать, в лото поиграть. Скучища!

2

Не дождавшись Мурочки, Лиза стукнула в кухонное окошко Фрязиных. Окно распахнулось, из него высунулось румяное лицо кухарки Сани.

– Где Мурочка? – спросила Лиза.

– Наверху сидят, – ответила Саня. – Делаида Петровна уехали и наказали их во двор не пускать.

– Тогда я сама наверх пройду. Открой, Саня! – потребовала Лиза.

Добросовестная Саня крепко задумалась.

– Делаида Петровна про вас ничего не сказали, – с сомнением пробормотала она. – Идите, барышня, но если что... Если Делаида Петровна вдруг вернутся...

– Пусть! Съест она меня, что ли?

Бедная Мурочка весь день томилась в своей комнатке в мезонине. На ее столе лежал учебник Марго, пара словарей и раскрытый французский роман для девиц, очень глупый. По настоянию тетки Лиза его уже прочитала. Там все дело было в двух сиротках. Свирепые, но благородные цыгане зачем-то похитили их прямо из колыбели и только двадцать лет спустя признались в краже. Две юные цыганки невообразимой красоты и добродетели оказались на деле герцогскими дочками, так что седовласые отцы совершенно зря проклинали двух каких-то виконтов, влюбившихся в этих цыганок. Неужели серьезная Мурочка читает подобную чепуху?

Выяснилось, однако, что Мурочка отбывала повинность. Глубокая рытвина, проделанная на странице мстительным крепким ногтем Аделаиды Петровны, Мурочкиной мачехи, означала место, с какого Мурочке следовало переводить. Получившееся нужно было записывать. Своим круглым почерком Мурочка уже успела вывести: «О, никогда в благодарной груди Викторин не трепыхалось так глубоко спасибо для ее доброго великого папы, укрытого седыми висками!»

– Какой еще великий папа? – засмеялась Лиза. – Римский, что ли? Тут, верно, про дедушку говорится.

– Не учи, сама знаю, – вздохнула Мурочка. – Я нарочно чушь пишу, *ей* назло! Сiju в заточении, как Золушка. Только та горох перебирала, а я перевожу с французского всякую дрянь. По-моему, горох куда интереснее.

– За что тебе перепало?

– Да ни за что! Из-за Володьки опять. Он накопал червей и одного *ей* сунул в стакан, а остальных на моей полке спрятал, в банке. Вот и вышло, что все это – моя затея.

Лиза вздохнула. Бедная Мурочка! Бедный Володь-ка! Мелкие придирки тети Анюты ничто в сравнении со строгостями Аделаиды Петровны.

Брат и сестра Фрязины были близнецы – одинаково востролицые, темноглазые и живые. Аделаида Петровна за глаза звала их крысятами. Еще прошлым летом они были Машей и Володей, однако недавно Маша придумала себе и брату имена новые, современные. С Володькой мудрить было нечего – он стал Вовой. Звучало отменно: аристократично и немного залихватски. Сама же Маша долго колебалась между модными Марой и Мурой. Пришлось закрыть глаза и тянуть из конфетной коробки одну из двух бумажек. Попалась та, на которой было написано «Мура».

Лиза с близнецами была знакома с незапамятных времен: Одинцовы и Фрязины были добрыми соседями. Володька, естественно, над девчоночьей дружбой смеялся, но Лизу признавал: она была самой быстроногой в округе и в горелки играла до упаду. Володька увлекался зоологией, то есть нес домой всякую живность – букашек, червей, ежиков. Иногда он притаскивал целое ведро головастика, добытых в какой-нибудь канаве. Известно, что девчонки головастика не выносят, особенно тех, у которых уже отрастают лапки. Однако Лиза любила этими тварями без всякого трепета и находила, что у них кроткие мордашки. Она даже

пугала бедняг, запуская руку в ведро. Все это не могло не вызвать самого серьезного уважения будущего зоолога.

Зато мачеха Аделаида Петровна головастиков боялась. Из-за этого Володька норовил подсунуть банку со своим уловом к ней в спальню, на туалетный столик. Там царил живописный кавардак: цветные флаконы парижских и московских духов, шпильки и гребешки окружали фарфоровую пудреницу в виде белой розы. Пудреница была колоссальных размеров. Мурочка называла ее капустой.

Аделаида Петровна была немного близорука и Володькин живой подарок замечала не сразу. Когда она садилась у зеркала разглядывать свое большое темноебровое лицо, сначала щурила глаза и принимала волнующие позы, которые доставили ей лет пятнадцать назад славу первой нетской красавицы. Теперь ей приходилось улыбаться тоньше, а подбородок сильнее выдвигать вперед, потому что гнезвился под ним второй – висячий, неприятный и неискоренимый. Глаза с годами стали мельче, брови реже. Целая пропасть огорчительных мелочей обнаруживалась, если присмотреться!

Аделаида Петровна вздыхала. Ее печальный взгляд падал на ряд знакомых флаконов. Эти флаконы, она помнила, еще утром стояли как-то иначе. В душе сразу вспыхивал едкий гнев на горничную Гашу, которая, должно быть, втайне лила драгоценные ароматы себе на макушку и за пазуху. К тому же среди флаконов и коробок, перепутанных чужой рукой, что-то шевелилось.

Аделаида Петровна щурилась сильнее и приближала лицо к столешнице. Головастики! Они суетились в банке, крутили прозрачными рыбьими хвостами и пучили на Аделаиду Петровну бисерные глазки, отвратительно пристроенные где-то на затылке.

Аделаида Петровна издавала долгий крик. Затем расчетливо – на мягкий ковер или на кушетку – падала в обморок.

Володька не верил в истинность этих обмороков. Крики мачехи его радовали, хотя он знал, что за минутную забаву придется заплатить целым днем сидения в чулане или в запертой приемной отца.

Аделаида Петровна и близнецы никогда открыто не ссорились. Веселый доктор Фрязин не допустил бы, чтоб кто-то притеснял его замечательных детей. Аделаида Петровна это понимала. Поженились они с доктором шесть лет назад по горячей страсти. Оба тогда вдовели. Борис Владимирович Фрязин был живой, невысокий и смуглый – чернявые близнецы пошли в него. Аделаида же Петровна, напротив, отличалась заметным ростом и таким пышным бюстом, что он гнул ее вперед. Хотя эта позировка была как раз в моде и называлась «голубиная грудь», все равно казалось, что Аделаида Петровна рухнула бы под тяжестью бюста, если б он не крепился на сильном торсе и крутых, правильных, как валун, бедрах.

Аделаида Петровна была богатой купеческой вдовой. Платья она выписывала из Москвы и Парижа, любила крупные шляпы с перьями. В тени этих шляп загадочно мерцали ее глаза. Разве мог впечатлительный, с художественной жилкой доктор не влюбиться в такую красоту? «Это не цветок, а целый сад цветущий», – восторгался он. Разве могла Аделаида Петровна остаться равнодушной к натиску доктора – горячего, говорливого, красивого собой, хотя и совершенно лысого?

Была страсть. Но глупые и жестокие дети подобных страстей никогда не понимают. Аделаида Петровна не имела собственных детей, иметь не надеялась – и не любила ничьих. На Володьку с Мурочкой она не обращала внимания, пока не предоставлялся случай проявить разумную строгость. Бывало это часто. Доктор над выходками близнецов хохотал, но наказывать соглашался. Он считал, что разумные наказания закаляют характер.

– Меня самого отец очень драл, – радостно вспоминал он. – За дело драл, хотя чаще просто под горячую руку. Я зубами скрипел, но не плакал – и вот я жив, и бодр, и удачлив. А вам в чулане посидеть тошно? Эх, богатыри – не вы!

Мурочка тихо ненавидела мачеху. Зато Володька, склонный к естественным наукам, изобретал для бедной Аделаиды Петровны целую кучу, как он говорил, «казней египетских». В ход чаще всего шли червяки и гусеницы. Иногда подбрасывал в шляпную картонку мачехи мышь, придушенную мышеловкой. Недавно отсидел в чулане целый день за то, что посадил майского жука в театральную сумочку Аделаиды Петровны. Предварительно Володька окропил жука одеколоном, и бедное насекомое на время лишилось рассудка.

Аделаида Петровна раскрыла сумочку в самый разгар «Принцессы Грезы» – понадобилось незаметно достать платочек и вытереть увлажнившуюся в духоте шею, не то пудра слиняла бы пятнами. Тогда-то из атласных недр ридикюля и вырвался на волю очумелый жук. Он немного повисел в воздухе перед носом Аделаиды Петровны, а потом, гудя, стал метаться над головой зрителей. Скоро его повлекли огни ramпы. Жук кружил над сценой, пока с лету не ударился в благородный лоб трагика Варнавина-Бельского, а потом рикошетом пал без чувств в бархатные колени принцессы Грезы.

Варнавин играл средневекового рыцаря, который только что скончался. Актер полулежал в удобной позе среди красиво расстеленных шелков и даже подремывал.

Нежданно получив в лоб, Варнавин проснулся, сел и оглянулся по сторонам. Он тут же вновь свалился на ложе, но было поздно: поднялся шум и хохот. Нерасторопная принцесса Греза сидела с жуком на коленях и не могла вымолвить ни слова.

Варнавин не сдался. Он стонал и извивался в шелках до тех пор, пока его игра – как всегда, потрясающая – не одолела смех и смущение зрителей. Только тогда он умер второй раз в этот вечер. Его искусство напрочь затмило выходку жука. Зал долго гремел аплодисментами, многие плакали.

За лихие научные опыты Мурочка дала брату прозвище: Чумилка-Ведун. Так звали героя одной детской книжки.

Едва Лиза уселась на Мурочкину кровать и открыла рот, чтобы завести тихий секретный разговор про сегодняшний случай на качелях, как Чумилка затопотал по лестнице. Он до смешного походил на сестру – был такой же шупленький, смуглый, юркий. Только одет был в старую гимназическую куртку хмуро-синего цвета и на голове вместо двух жидких кос имел спартанскую стрижку.

– А я слышал, как ты пришла, – кивнул он Лизе. – Ты, Лизавета, ей-богу, такая стала красивая, что мне совестно говорить тебе «ты».

Лиза усмехнулась. Она считала, что красота тут ни при чем. Просто за последний год она выросла и на целую голову стала выше Володьки. Отсюда его почтение.

– Разве ты, Вова, не должен сидеть сейчас в чулане? – спросила Лиза. – Быть не может, чтоб Мурочка в одиночку расплачивалась за червяков.

– Я сидел, – признался Вова. – Но со мной всегда мой верный друг. – Он вынул из кармана топорного вида перочинный нож и поиграл лезвием. – Догадываетесь, девицы, для чего мне пригодилось это опасное оружие?

– Яблоки чистить, – предположила Лиза.

– А вот и нет! Зря язвите. Я просунул лезвие в дверную щель, поддел крючок – и вот я на свободе.

– Совсем как Нат Пинкертон в «Зеленом фонарике», – вспомнила Мурочка.

– Точно! До девяти часов я буду как ветер, а потом приедут *они*...

Близнецы мачеху называли между собой не по имени, а безлично – *она* или издевательски – *они*, в подражание прислуге.

– ...и тогда я вернусь в место своего заключения. Кто-нибудь из вас великодушно накинёт снаружи крючок, и все будет шито-крыто.

Лиза решила поддразнить Володьку:

– Я ни за что не буду участвовать в твоём вранье!

– Не удивляюсь, – вздохнул тот. – Красота всегда жестока. Еще бы ты не вредничала! За тобой разинув рот по улицам ходят. Говорят тоже только о тебе...

– Кто это говорит? Ловцы козявок?

Не один Володька, но и все его приятели страстно увлекались естественными науками, сушили гербарии и охотились за блеклыми сибирскими насекомыми.

– Не только ловцы, – сказал Володька. – Например, ты произвела неизгладимое впечатление на Ваньку Рянгина. Интересно только, где это вы с ним виделись? И что ты ему наговорила? Он почему-то находит тебя очень умной.

Лиза с досадой отвернулась к окну. Тот самый Иван? И зачем только она разболталась на качелях о няне и воздухоплавании!

Мурочка все поняла и строго спросила брата:

– Что это еще за Ванька?

– Он недавно из Иркутска приехал. Отец у него строительный подрядчик, будет в полку церковь ставить. А Ванька в нашу гимназию поступил, в шестой класс.

– И тоже мух коллекционирует?

– Что ты! Ванька – голова. Он больше окаменелыми животными занят. Прошлым летом он ездил с отцом куда-то в Югорье и там между делом выкопал настоящие древние кости. Я их видел – темные, будто смоленые. Чей-то зуб громадный, как наша супница!

– Таких зубов не бывает даже у слонов, – не поверила Мурочка.

– Это же древний зуб! Представляете, девы, тут у нас миллионы лет назад было море, потом стоял тропический лес, как в Бразилии, а потом заledenело все. Бродили мамонты, за ними по пятам – древние люди в меховых шубах и с необузданными страстями. Эти люди валили мамонтов, из их бивней делали зубила и рубила и адски боролись за существование. Не люди – звери! Не то что вы, непарнокрылые.

– Что-то не верится. Про этих зверей-людей тебе наплел тот самый неказистый блондин?.. как его фамилия?.. Ряскин? – ядовито переспросила Лиза.

Она очень бы хотела запомнить эту фамилию!

Володька просиял от счастья (он посчитал себя казистым брюнетом) и великодушно вступился за приятеля:

– Ну, может, Рянгин немного и невзрачен, но далеко не дурак. И сильный, как черт: два раза Неть переплывает, туда и обратно. У нас ему нравится. Он говорит, Ангара куда холоднее и шире Нети и купаться в ней опасно: застынешь и ко дну пойдешь. Еще он на турнике «солнце» делает и в футбол играет. С ним у нас наконец-то выйдет настоящая команда и можно будет кадетов как следует надрать.

– Футбол – скучная игра, – заявила Мурочка. – Мне больше нравится крокет.

– Крокет – забава для тетюшек, – парировал Вова. – Лучше уж теннис.

– Или кегли.

– Скажешь тоже! Кегли совсем ерунда!

Лизе дела не было до кеглей, она смотрела в окно. С высоты мезонина далеко были видны крыши и заборы. Небо стало малиновым, в саду Копытиных жарко задышал вальсами оркестр пожарной части. Иногда не в тон музыке попадал какой-нибудь посторонний звук – например, густой гудок, длинный-длинный, как дым, который льнет к земле. Это пароходный. А паровозный другой: веселый, с перехватом – у! у-у-у!

Лето начинается!

Вдруг с улицы постучали в ставню. Лениво тявкнула фрязинская собака Дамка. Трое в мезонине замерли на своих местах и тревожно уставились друг на друга. Грозный призрак Аделаиды Петровны в колоссальной шляпе мелькнул перед их глазами. Неужели?..

Стук повторился, и чей-то голос спросил:

– Эй, Фрязин, ты дома?

Вова подмигнул сестре и Лизе:

– Так это он и есть, Ванька!

Он высунулся из мезонинного окошка и замахал руками:

– Я здесь, Рянгин! Иди к калитке, я открою!

– Ты же в чулане заперт, – напомнила заботливая Мурочка.

– А, ерунда! До девяти еще пропасть времени, под арест засесть успею, – махнул рукой Володька и скатился вниз по лестнице.

Лиза осталась сидеть неподвижно. Второе явление утреннего блондина подстроила, наверное, сама судьба! Ей очень хотелось взглянуть на гостя хоть одним глазком и удостовериться, так ли он неказист.

Мурочка тоже сгорала от любопытства.

– Бунт так бунт! – сказала она. – Как ты, Лиза, считаешь: если я, как Чумилка, сейчас сбегу отсюда, а к девяти вернусь и засяду за перевод, будет это большим преступлением?

– Не думаю, – ответила Лиза. – Я бы вообще ни за что тут не сидела. Тетю Анюту я всегда улещиваю какими-нибудь сладкими словечками. Да еще прилизанными волосами – она это очень ценит.

Мурочка вздохнула:

– У нас такие штуки не проходят! Но мне ужасно хочется спуститься вниз. Вот бы посмотреть, какая физиономия будет у этого Рянгина, когда он тебя увидит. Он ведь сражен, совершенно сражен! С первого взгляда! И Володька то же самое говорит. Интересно, где они сейчас?

Она высунулась в окно и сообщила:

– Они в сад пошли! Давай туда нагрянем, а?

– Ни за что! Он подумает, что я его преследую.

– Не подумает. Ты же не знала, что он сюда притащится. Давай-ка его огорошим! Просто мимо пройдем, и все. Если б ты, Лиза, знала, как я тут измучилась с этими проклятыми французскими цыганами! Заслужила я за свои муки хоть какое-то развлечение?

– Конечно заслужила!

Лиза всегда жалела Мурочку. Сама Лиза с трех лет росла без матери, которую не помнила. Лизу дома баловали и обожали, несмотря на мелкие придирки, все – и отец, и тетка, и няня Артемьевна. А вот Мурочке приходилось быть Золушкой из-за зловредной мачехи. Чтобы повеселить подругу, почему бы и не огорошить Рянгина?

Что с Рянгиным будет, Лиза представляла себе очень хорошо. Была она опытная красавица и с малых лет заметила, что, завидев ее, мальчишки пускаются устраивать глупости двух родов. Одни просто цепенеют, конфузятся, роняют чашки и прячутся под диван. Таких они с Мурочкой называли столбами. Другие начинают бешено визжать, гримасничать и гоготать – эти обезьяны. Они забавнее, но противнее столбов. Рянгин, конечно, типичный столб.

Любопытно, но Мурочку эта классификация веселила не меньше, чем Лизу. Она и не думала ревновать к успехам подруги, потому что была особой серьезной. Влюблялась всегда в кого-нибудь значительного и совершенно недостижимого – в Наполеона, в Лермонтова, в учителя словесности. Сейчас она обожала трагика Варнавина-Бельского.

Лиза с Мурочкой тихонько спустились по лестнице и скользнули к черным дверям через гостиную, столовую и докторскую приемную.

В саду было тихо. Пахло влажной землей, как всегда бывает весной, а еще сиренью и вечерней пылью.

Город Нетск пылью славился – в засуху почва на дорогах истиралась в тончайшую пудру пополам с колючим желтым песком. Если ветер поднимался – закрывай глаза, затыкай уши; даже в карманы пыли нанесет! Теперешний июнь начинался тихо, зелень была еще густая, чистая, но летняя напасть плыла уже над городом золотым туманом.

Выйдя в сад, Лиза сломала большую ветку, чтобы отмахиваться от комаров, если будут докучать. С веткой в руке, позолоченная закатом, с волосами, спущенными вдоль щек, она показалась на дорожке.

Двое приятелей, которые как раз обменивались какими-то книжками, дружно открыли рот. Книжки полетели на песок. Рянгин Иван, дважды в один присест переплывающий Неть, даже моргать перестал. Он залился таким темным румянцем, что ярко обозначились его белые брови. И Вова Фрязин, который видел Лизу в тысяча пятый раз в жизни и третий за сегодняшний день, довольно глупо и смущенно повел носом. Мурочка фыркнула.

– Ага, все про Ника Картера да Пата Коннера читаете, – сказала она, подбирая одну книжку. – Пятак цена, чтение для несмышленных!

– Не суди о том, чего не сумеешь, – огрызнулся Вова. – Я не спорю, глупостей тут много, но и познавательное кое-что есть.

– Ни крошки! Вот посмотри: «Шерлок Холмс против микадо». Это же чушь полнейшая!

Она помахала перед носом брата тоненькой книжкой, которую подняла с дорожки. На обложке красовался ядовито-лимонный профиль знаменитого сыщика. Чуть ниже тот же желтолицый сыщик, не выпуская трубки изо рта, боролся с каким-то человеком в халате. Руки у обоих были зверски вывернуты то ли неистовой борьбой, то ли неопытностью рисовальщика.

Володька выхватил книжку у сестры и сердито сказал:

– Что ты понимаешь! Ты знаешь, кто такие ниндзя? Если б знала, мотала бы на ус: когда ночью куда-нибудь хочешь проникнуть незаметно, надо надеть все черное. И обувь найти, в которой можно ступать бесшумно – например, теннисные туфли. Только они тоже должны быть черные. Их можно тушью покрасить. На голову – черную повязку. Лучше захватить с собой не дубину или багор, а побольше ножей и крючьев. Тогда ты легко взберешься во второй этаж...

– Зачем? – спросила Мурочка. – Всюду есть лестницы. Не воровать же я собираюсь.

– А если *она* вдруг возьмет и вернется раньше времени? Как ты в мезонин попадешь?

– Неужели же с помощью крючьев?

Лиза старательно обмахивалась веткой: комары в самом деле начали подвывать у уха. Изредка она поглядывала в сторону собственного дома и видела, что там, в гостиной, уже зажгли большую розовую лампу. В окнах, несколько размазанные тюлем, мелькали светлые пятна дамских платьев и летних мужских пиджаков. Вскоре послышался рояль, сладко потянуло Шубертом:

Слы-ы-шишь, в роще за-а-звучали
Песни со-о-ловья...

Иван Рянгин неподвижно стоял под кустом сирени. В сумерках он не казался чересчур белобрысым.

– Вы тоже читаете про Пата Коннера? – спросила его Лиза.

– Читаю, – признался он. – От нечего делать. В жизни ведь никогда не случается ничего необыкновенного.

Мурочку вдруг осенило:

– Послушайте, пойдемте лучше в беседку! Не то Саня нас заметит, а ведь мы с Вовой под арестом.

Скорее всего, Саня сидела у себя на кухне и ни за кем не шпионила. Однако под водительством Мурочки вся компания, пригибаясь за кустами и стараясь не шуметь, пробралась в новую фрязинскую беседку.

Здесь, под глухой крышей, за полосатыми занавесями, было совсем темно. Одно полотнище Вова завязал узлом и впустил в беседку немного света. Теперь можно было разглядеть

стол без скатерти, венские стулья и серые вечерние лица друг друга. В щелях между занавесками угасал закат, который на глазах из розового делался зеленым.

Ивана Рянгина сумерки ободрили. Он теперь не сводил глаз с Лизы. Иногда она даже закрывалась своей веткой: ей казалось, что он прикасается к ее лицу своим упорным взглядом, будто горячей рукой.

– А здесь жутковато, – оглянувшись, сказала Мурочка. – Вот когда горит лампа, то за столом всегда уютно. Мотыльки собираются на свет и падают прямо в чашки.

– Кроме нас, тут есть кто-то еще, – проскрежетал Вова страшным голосом. – Кто-то невидимый! Он стоит у меня за спиной и дышит. Ой!

Иван Рянгин его одернул:

– Не мели чепухи! Никого тут нет.

– Нет есть! – поддержала брата Мурочка. – Там слева, за кустами, баня. А в бане, известное дело, полно нечисти.

– Верно! В бане живет банник, – вспомнил Вова.

Лиза хотела было сказать, что ее няня в бане живьем видела чертей. Нет, ни слова больше о няне! Хотя заходить в пустую холодную баню Лиза и сама боялась.

– А вот Лизина няня верит, что повсюду полно чертей, – как назло, вставила Мурочка. – Например, стоит только в ладоши хлопнуть – они тут как тут. Это для них условный знак, потому бить в ладоши грешно, а театр – бесовское игрище. Няня так говорит. Ужасно темная! По ней, и слово «черт» сказать нельзя. Например, кто-то за обедом помянет черта, а черт уже в ложке сидит – маленький, меньше мушки, неприметный, прозраченький. Проглотишь его невзначай вместе с супом, и вот он уже у тебя внутри. Тогда ты начинаешь куролесить, кричать разными голосами – одним словом, беситься. Только особой молитвой такого черта можно вышептать наружу.

– Вы тоже в это верите? – удивленно спросил Лизу Иван Рянгин.

Она горячо и совершенно неубедительно ответила:

– Нет! Нет, конечно. Какая еще нечистая сила? Разве только на кладбище...

– Не так уж далеко отсюда, – зловеще заметил Вова. – Говорят, ночью там *такое* творится!

– Что именно? – заинтересовался Иван.

– Да говорят, покойники колобродят – особенно те, которые много грешили при жизни. Нет им успокоения, и вот нечистый, которого Лизина няня боится звать чертом (хотя вряд ли это его настоящее имя!), ночью заставляет мертвецов бродить вокруг своих могил. Они пляшут, плачут и соблазняют прохожих. Таковы местные суеверия.

– Кого могут соблазнить истлевшие трупы или скелеты? – спросил Ваня.

– В свете луны скелеты облекаются призрачной плотью, – пояснила Мурочка. – Если такое увидеть, можно помешаться от ужаса.

– Еще про упырей вспомни! – хихикнул Вова.

– Упыри тоже бывают, только не у нас, а на Балканах. Ты читал графа Толстого? Это, конечно, беллетристика, но ужас как страшно. Когда после этого я смотрю на нашего историка Редедю... Он так чмокает губами, что мороз по коже! *Я и* сейчас вся дрожу!

– У вас, Мура, просто фантазия богатая, – сказал Ваня. – Упыри такие же сказочные герои, как Колобок или Баба-яга. Разве Колобок существует в реальности?

– Не думаю. И вообще, богатая фантазия не у меня, а у Лизы. Я больше склонна к точным наукам. Однако есть факты, для которых нет научного объяснения. Например, кладбищенские огни...

– Ну, это старые сказки! – оживился Ваня. – Давно известно, что газ метан, происходящий от окисления органических останков, способен не только внезапно выделяться из-под земли, но и светиться синеватым пламенем...

– Ах, при чем тут синеватые останки! Чумилка, расскажи про Соловова, – потребовала Мурочка.

Вова замялся:

– Соловов, может, врал...

– Врал? Тогда почему он после этого целый месяц лежал дома в нервной горячке, а? – не сдавалась Мурочка.

– Он на немецком срезаться боялся и потому остался на второй год. Лидтке – зверь, умучит до смерти, доведет до горячки! Он тоже упырь.

– Так это учитель Лидтке плясал на могилах? – удивился Ваня.

Мурочка даже ногой топнула:

– Володька, расскажи!

– Хорошо, – согласился Володька. – Только за истину рассказа не ручаюсь. За что купил, за то и продаю! Итак, слушайте. Сашка Соловов смертельно боялся экзамена по немецкому. Он просто одурел от страха: зубрил день и ночь, из дому отлучался только в церковь, свечку за себя ставить. И вот его младшая сестра, совершенно безмозглая, где-то узнала верный способ выдержать экзамен. А способ такой: ровно в полночь надо пойти одному на кладбище, взять с могилы праведника земли (горсть, никак не меньше!) и завязать в мешочек. Там же, на кладбище, над этим мешочком нужно прочитать пятьдесят раз «Отче наш» и тридцать «Верую», мешочек повесить на шею – и можно смело идти на экзамен.

– А мешок под рубашку спрятать, как ладанку, или надо его сверху носить? – спросил Ваня.

– Этого сказать не могу, – признался Вова. – До мешка у Соловова дело не дошло. Так вот, потащился этот дурень ночью на кладбище...

– Я бы умерла еще по дороге! – пискнула Мурочка не столько от страха, сколько для придания рассказу нужного настроения.

Вова продолжал:

– Потащился он на кладбище и только по дороге сообразил, что не знает, где похоронены настоящие праведники, где так себе, а где полные грешники. Думал он, думал и вдруг вспомнил, что недавно хоронили дурочку Федосью. Она была, помните, вроде городской юродивой: по дворам побиралась, ходила с богомольцами, носила отрепья. Куда уж праведнее! Да только похоронена-то она была в другом конце кладбища, а не там, где Сашка Соловов стоял. Между тем дело шло к полуночи, оставалось в запасе всего минут десять (Сашка для верности с собой дедовы часы взял). Если вокруг ограды бежать к Федосьиной могиле, не поспеть никак, а уж земли в мешок наскрести и подавно. Оставался только один путь...

– Через кладбище, по аллее, мимо часовни! – выпалила Мурочка. – До чего ты, Володька, рассказываешь нудно – заснуть можно.

– Он хорошо рассказывает, обстоятельно, – не согласился Иван. – Все факты излагает в полной последовательности.

– Если меня перебивать, я до утра не кончу, – возмутился Вова. – На самом интересном месте сбила!

– Ты говорил, что Соловов собрался идти напрямик, мимо часовни, – подсказала Лиза.

Она прекрасно знала историю походов Соловова. Но то ли в сумерках все казалось значительней и страшней, чем днем, то ли ее начал пробирать от садовой сырости вечерний озноб – только она с удивлением поняла, что дрожит. Так же дрожал, наверное, и глупый Сашка Соловов, и его серенькие, как воробьиные перья, вихры шевелились на макушке.

Еще бы Соловову не стухнуть! Никольское кладбище в Нетске самое старое. Кусты разрослись там в непролазные кущи, а уж возле часовни и вовсе стояли высоченные деревья, как лес над богатыми могилами, над мраморными обелисками да урнами. Бедный, бедный Соловов!

– Всем известно, что на кладбище водится нечистая сила, – загробным голосом гудел Вова. – Но Лидтке Сашка боялся больше, чем самого крупного черта.

Лысая голова Федора Людвиговича, его мифистфельская бородка и пронзительный взгляд внушали Соловову необоримый трепет...

– Чумилка, не увлекайся! – прервала его Мурочка. – К чему эти красоты?

Володька обиделся:

– Сама бы тогда и рассказывала! Ладно, буду краток и сух. Решился Соловов идти к Федосьиной могилке напрямик через кладбище. Сначала он бодро шагал, а потом душа его ушла в пятки – кругом темнотища, только кресты белеют. Вроде бы и луна светила, но как только Соловов забрался далеко в кусты, она сразу за тучу зашла. Сашка зажмурил глаза и припустил бегом. Тут он запнулся за корень – а может, нога о ногу заплелась. Растянулся во весь рост, полежал немного. Руки-ноги вроде целы. Хотел подняться, вдруг слышит шаги. Недалеко где-то, за кустами, топочут: топ-топ-топ. Будто бы даже несколько человек. Или это не люди вовсе?

Володька значительно замолчал. Сразу стало слышно, как под дощатым потолком беседки ноет беспокойный комар, а в доме у Одинцовых весело бьют по клавишам.

– Соловов до того испугался, что как был на карачках, так и пополз с дорожки в кусты. Залег там, прислушался – не только шаги, какие-то голоса слышатся. А потом поплыли огни! – скрежетал Володька, постепенно переходя с шепота на тихий вой. – И не синие огни, болотные, про какие нам тут Рянгин рассказывал, а красные, дьявольские. А между ними тени снуют, мечутся, галдят между собой задушенными неживыми голосами...

– Ай! Не надо больше! – не выдержала Мурочка. – Я не буду слушать! Я в дом пойду!

– Твое место в мезонине – ты ведь там сейчас с французского переводишь, не так ли? – холодно бросил Володька. – Сама же просила рассказать!

– Когда ты рассказывал в комнате, совсем не страшно было!

– Да и теперь ничуть не страшно, – сказал Иван Рянгин. – Все это, по-моему, выдумки и преувеличения. А что было дальше с Солововым?

– Дальше он заорал не своим голосом и бросился со всех ног назад, к кладбищенским воротам. За спиной все время топот слышал, но это как раз могло померещиться. Когда бежишь, тебя всегда будто догоняет кто-то. Прибежал Соловов домой и заболел нервной горячкой. Экзамена он, разумеется, никакого не держал – и до сих пор в пятом классе.

– Думаю, Соловов сам себя напугал, – сделал вывод Иван.

Вова с ним не согласился:

– Нет, все-таки там, на кладбище, что-то эдакое есть. Лечил Сашку наш отец. Он говорил, что нервное потрясение было самое настоящее – и сильнейшее. И другие про кладбище нехорошее говорят – мол, и огни там блуждают, и тени бродят, особенно когда в часовне над покойником не читают и она запертая стоит. Тогда нечистой силе и всякой нежити раздолье.

– Ерунда! – стоял на своем Ваня Рянгин. – В каком месте кладбища Соловов видел огни?

– В самой середке, где могила губернаторши Кригер.

– Я знаю это место! – сказала Лиза. – Там растет большой куст белой сирени. Цветы крупные и с остренькими лепестками, как звездочки. Нигде в городе такой больше нет. Мы пробовали у себя развести – ничего не вышло. Жалко. Такая красота! Сейчас, наверное, этот куст весь в цвету...

Ваня встал, скрипнув стулом. Небо между занавесей стало совсем синим, и по нему выпалились неяркие звезды. На этом фоне Ваня казался еще прямее и выше. «Он похож сейчас на статую командора», – шепнула Лизе начитанная Мурочка.

– Этой ночью, – сказал Ваня серьезно, – я пойду на кладбище и увижу так называемые дьявольские огни. А вам, Лиза, я принесу белой сирени.

3

Прозаический Вова сказал статуе командора:

– Ничего не выйдет! На кладбище сторож – зверь.

– Я не боюсь сторожей, – гордо ответил Иван Рянгин. – К тому же никакой сторож не помешал Соловову пробраться в самую чашу и увидеть огни.

– Тогда я тоже пойду на кладбище! – вскинулся Володька.

Он сообразил, что нехорошо показывать себя трусом.

– Не выдумывай! – испугалась Мурочка. – Мы с Лизой и так согласны, что это метан. Правда, Лиза?

Лиза пожала плечами. Про метан она ничего не знала, а главное, ей было ясно, что Ваня Рянгин исключительно из-за нее затеял эту безрассудную прогулку. Идти ночью на кладбище, конечно, не совсем то же, что застрелиться, но все-таки... Да и к чему Ване сейчас стреляться? Ведь она еще не сделала его несчастным! Плохо лишь то, что Володька вздумал примазаться к рыцарскому подвигу. Этот запросто все может испортить!

– Вова, ты бы лучше дома остался, – посоветовала Лиза. – Если Аделаида Петровна узнает, тебе нагорит.

Володька возмутился. Неужели Лиза считает его малявкой?

– Во-первых, никто ничего не узнает, я позабочусь, – сказал он сердито. – А во-вторых, я и так полдня просидел под домашним арестом. Я имею право вдохнуть глоток свободы. Обязательно пойду! Ты согласен, Рянгин?

Рянгин не слишком обрадовался, но согласился.

– Завтра мы все вам расскажем, – пообещал Володька. – А доказательством того, что мы не трусили и дошли до самой часовни, будет букет белой сирени.

– Тоже мне доказательство, – вдруг заупрячилась Мурочка, которая минуту назад не хотела пускать брата на кладбище. – Этой сирени и поутру можно наломать, когда светло.

– Неужели вы думаете, что мы вас обманем? – обиделся Ваня Рянгин.

– Вы, Ваня, может, и не соврете, но вот Чумилка... Если он в это дело влез, можно ждать всего.

– Чего это всего? – нахмурился Вова.

– Сам знаешь...

Вова примолк. Мурочка явно собиралась припомнить ему ту лодку, которая утонула вместе с пледом и корзиной пирогов (эту лодку Володька взялся доставить на пикник). Или лошадь, на которой Сомовы прибыли на дачу, – Вова вроде бы ее привязал, но она отправилась пастись в луга вместе с очень приличным фаэтоном. Были еще зонтики, которые ему поручали нести всевозможные родственницы и гости и которые он забывал в самых непредвиденных местах, включая мужскую уборную на станции.

Поэтому спорить с сестрой Вова не стал, но на кладбище собрался бесповоротно.

Иван Рянгин сказал:

– Чтобы нас не считали хвастунишками, белую сирень мы ночью положим в условленном месте. У вашего порога, Лиза, хотите?

Лиза очень хотела, но Мурочка ответила первая:

– Нет, это нам не подходит! Лиза всегда спит как убитая. Она все прозевает. А я спать не буду. Когда Володька вернется домой, он мне просто стукнет в дверь и покажет сирень.

Вот еще! Лиза совершенно не желала остаться ни с чем.

– Я тоже не буду спать, – решительно сказала она. – Я у тети Анюты отпрошусь к вам на ночь. Мы с Мурочкой дождемся, когда придет Вова...

– И наврет нам с три короба! – закончила Мурочка.

– Никогда! Я тогда и Рянгина вам приведу, пусть он все подтвердит! – кипятился Вова.

На том и порешили. Ночь опасно сгустилась, старшие Фрязины вот-вот могли вернуться из гостей. Иван Рянгин не стал даже соваться во двор – ловко перемахнул через забор. Он исчез бы совершенно бесшумно, если б фрязинская Дамка не подняла лай. Собачий скандал надолго отвлек внимание кухарки Сани, и Лизе даже не пришлось заговаривать ей зубы, пока близнецы разбежались по местам своего заточения.

Дома Лиза с удовольствием обнаружила, что адвоката Пиановича среди гостей нет. Впрочем, теперь ее совсем не беспокоили возможные осложнения. Что за ребячество бояться тет-киных запретов! Неужели еще утром она могла холодеть при мысли, что Пианович наябедничает? Ерунда! Ваня Рянгин не боится ночью идти на кладбище, а сама она собирается летать на аэроплане...

К Фрязиным тетя Анюта отпустила Лизу на редкость легко: ее в ту минуту больше волновала партия в пикет, которая складывалась не вполне удачно. А вот Аделаида Петровна, увидев Лизу в своем доме, удивленно подняла брови.

– В чем дело, малютка? – спросила она тем приторным голосом, который означал у нее раздражение.

Аделаида Петровна считалась женщиной загадочной, вроде Незнакомки Блока. Она тоже носила на шляпах целые джунгли перьев. То, что она говорила и делала, надо было понимать не прямо, как есть, а совсем иначе. Если ее голос был медово ласков, значит, она сердилась. Надутые губы знаменовали игривую веселость. Она хохотала, когда бывала в бешенстве, и плакала в голос от удовольствия. Все эти странности интриговали и притягивали посторонних мужчин, зато домашним доставалась масса хлопот.

Борис Владимирович больше всех страдал от загадочного нрава супруги. С годами он научился понимать Аделаиду Петровну правильно, то есть наоборот. Но иногда бывали и промашки. Тогда он получал тяжелую семейную сцену (рыдания, запертая дверь, дрожащая рука, из которой падает сувенирный кинжал, купленный в Кисловодске). Случалось принять и оплеуху на смуглую энергичную щеку.

Близнецы Аделаиду Петровну не выносили, прислуга боялась, собака Дамка при ее приближении угрюмо пряталась в конуру. Но в сущности Аделаида Петровна несколько не была зла. Лиза это понимала. Она потупила глаза на бледные разводы платья госпожи Фрязиной и проговорила глупейшим голосом Красной Шапочки:

– Аделаида Петровна, тетя очень просит вас приютить меня сегодня. У нас в комнатах мух морят каким-то шведским средством. Оно нехорошо пахнет.

– А как же общество, которое у вас собралось? Ведь сегодня четверг.

Тетя Анюта принимала, как всякая дама высокого тона, не когда попало, а по вторникам и четвергам. Аделаида Петровна это знала.

– Внизу все спокойно: там мух не было. Зато в спальнях... – вздохнула Лиза.

– И Балановский сегодня у вас?

– Нет. Сегодня совсем мало народу, даже Пианович не зашел. А тетя Анюта проиграла в пикет три рубля.

Аделаида Петровна грустно улыбнулась пудренным лицом. Ей почему-то нравилось, когда у Анны Терентьевны случались оплошности и проигрыши. А инженера-путейца Балановского она числила жертвой своей красоты и жестокости. Считалось, что именно из-за несчастной любви Балановский оставил приличное общество. Теперь он пропадал ежедневно в какой-то дурной мужской компании, где пил, ел, пел, плясал впрыска и закатывался к девочкам на Саперные улицы. Одним словом, горевал.

– Хорошо, раз так, – нахмурилась Аделаида Петровна, что означало прояснение души. – Я велю постелить тебе у Марии на кушетке. Ты уж сама проследи, чтобы было удобно. Я устала до изнеможения. Покойной ночи.

Она медленно двинулась прочь. Вышитый стеклярусом водопад стекал с ее больших бедер и колыбался на подоле. В вырезе платья, меж лопаток, темнела черная бархатная родинка. Эта родинка, как и загадочный нрав, безотказно сводила мужчин с ума. К тому же после свадьбы влюбленный Борис Владимирович признался одному завистливому приятелю (а тот раззвонил всему городу), что такая же родинка, только алая, у Аделаиды Петровны сидит на пояснице, а коричневая – на правом колене. Приятель даже приврал, что на левом, которое ближе к сердцу. После этих сообщений, говорят, и запил Балановский.

Лиза с Мурочкой решили, что ни раздеваться, ни ложиться в кровати не станут. Пока Володька, выпущенный из чулана, готовился к испытанию, то есть набивал живот хлебом с горчицей и вареной говядиной, подружки шептались, сидя на подоконнике. Они всматривались в темень, туда, где за рядами крыш темнее темного вставали волнистые кладбищенские кущи и высокий шатер часовни с золоченым крестом. Лизе даже не хотелось обещанного букета, до того стало жутко.

– Белая сирень не так уж и хороша, – сказала она Мурочке. – Мне все-таки больше нравится лиловая.

– Зачем же ты совсем другое говорила Рянгину? Он ведь из-за тебя все это затеял.

– Я ничего особенного не говорила, только хотела дать приметку, где губернаторшина могила. Это ведь ничего не значит... Пусть!

– Ты что-то, Лиза, путаешься, какую-то околесицу несешь. Наверное, в Ванечку влюбилась?

– Этого не может быть. Он некрасивый, – с сожалением сказала Лиза. – Пусть бы он был блондин, но только с черными бровями, как Печорин...

Всезнающая Мурочка усмехнулась:

– Таких не бывает в природе. Это поэтический вымысел! Белобрысые все со светлыми бровями, а глаза у них голубоватые. Те блондины, что с черными бровями, на самом деле не слишком блондинистые – они скорее шатены. И только у природных brunetов все в порядке, то есть черное. Как у Варнавина. Душка! Правда, душка?

– Чересчур уж большой, – вздохнула Лиза, вспомнив могучую фигуру трагика. – Ты ему по колено будешь. И потом, на макушке у него проплешина.

– Неправда!

– Сущая правда. Зина Келлер все видела сверху, с галерки. Он ведь всегда в париках играет, а тут шла пьеса Островского, и он решил дать роль реалистически.

– Ну и пусть! Зато глаза у него как огонь, а брови как ночь!

– Он их красит, как все артисты. По-моему, твоя мачеха тоже красит брови. А Зося Пшежецкая подводит глаза горелой спичкой. Мне Каша, сестра ее, говорила.

– Зося – да, но не Варнавин! – вступилась Мурочка за своего кумира.

В эту минуту под окнами раздался свист – тихий, но отчетливый. Ванечка!

– Все, девы, не поминайте лихом, – значительно сказал Вова, заглянув в дверь и блеснув черными глазами.

Он был в темной рубашке, в носках, а теннисные туфли держал в руках. Покрасить их тушью он не успел.

– Чумилка, смотри не шуми на лестнице! А крючья ты взял? – заботливо спросила Мурочка.

– Взял. Я их в лебеде у ворот спрятал. А еще у меня есть вот это.

Он достал из кармана и натянул на голову рукав от старого черного свитера. Для глаз прорезал две дырки, одну почему-то больше другой, а для носа третью. Теперь выглядел он устрашающе.

– Ужас! – ахнула Мурочка.

– Сторожа-зверя удар хватит, когда он тебя увидит, – поддакнула Лиза.

– А пусть не лезет!

Лизе и раньше приходилось ждать. Например, в детстве она томительно ждала рождественской полуночи, чтобы легально любоваться елкой, давно рассмотренной в щелку, и ножницами срезать с веток яблочки, пряники и орехи в золотых бумажках. Ждать поезда тоже приходилось. Противно ждать экзамена и чувствовать, как внутри все немеет, сбегается в комок, а в горле селится чужой тусклый голос. Ждать конца нуднейшего урока тоже не мед. Зато ждать весны! Еще тогда ждать, когда сугробы вровень с заборами, на Нети стоит двухаршинный лед, а с деревьев пылит сухой и белый, как сахар, иней! Еще можно с утра ждать вечера, чтоб надеть платье подлиннее и идти в кинематограф «Гигант».

Теперь Лиза ждала белой сирени. Время сделалось долгим и вязким. Его тяжелый ход обозначали часы внизу, в столовой Фрязиных. Если прислушаться, можно было различить сиплое тиканье этих часов. Их длинные гири-шишки тяжело висли на каждом мгновении и растягивали ночь. Лиза знала, что звезды должны не стоять на месте, а перемещаться. Но звезды замерли, будто были вбиты в небо, как мелкие гвоздики.

Мурочка сдалась первой: прилегла поверх одеяла. «Боммм!» – пробили часы в столовой. Мурочка села на кровати.

– А вдруг их сторож поймал? – ужаснулась она.

Лиза даже думать о таком не хотела. И о мертвецах тоже. Нет, ничего такого уж страшного на кладбище нет – только могилы, кресты, каменные плиты, пустые скучные дорожки да сирень, которая действительно лучшая в городе. А у кладбищенской ограды – там, где хоронят всякую гольтибу и где никто не сажает ни бледных березок, ни печальной сирени – полно земляники. Она стелется, льнет к желтой сухой земле. Ее трилистники всегда с красной каймой, будто окровавленные, а ягоды мелкие, твердые и пахнут так сильно, как никогда не пахнут даже лесные. Говорят, они очень сладкие – босые ребятишки наедаются ими и таскают на базар. Но Лиза никогда этих ягод не пробовала – они могильные, их листья в крови...

– Боммм! Боммм! – загудело внизу.

– Только два часа! У меня глаза уже слипаются, – пожаловалась Мурочка.

– Ты спи, я ничего не провороню, – ответила Лиза. – Наверное, ваши часы отстают. Мне кажется, я сто лет тут сижу и уже стала старушкой.

– Как Наина у Пушкина? – тут же вспомнила Мурочка. – Ну нет! Ты такая же красавица. Бывает же людям счастье! Потому тебя все и любят.

Лиза с ней не согласилась:

– Допустим, любят не все. Ваша Аделаида Петровна не любит. Раньше она была такая ласковая, а сейчас видеть меня не желает.

– Она завидует! Красивых она не выносит, а женская ревность самая страшная, – сообщила многомудрая Мурочка. – Она ведь Зоєю Пшежецкую едва не отравила нынешней зимой.

– Как это? – ужаснулась Лиза.

– Обыкновенно. У нее есть яд кураре в пузырьке. Думаю, она у отца его выманила или стащила. Когда они ссорятся, она достает пузырек из-за пазухи (а места там предостаточно, четверть, не то что пузырек можно спрятать!) и приставляет к губам. Мол, отравлюсь! Отец тогда плачет, и они мирятся.

– А как она Зоєю отравить собиралась?

– Зося лежала при смерти с пневмонией, отец ее лечил и даже сам ей питье готовил из каких-то корешков, каких нигде не купишь, ни в какой аптеке. Вот она и разъярилась: ворвалась в кабинет, разлила отвары, потоптала склянки. Только собралась пить свой кураре, как вдруг захохотала и говорит: «Я буду не я, если не подолью яду в зелье этой твари (Зосе то есть). Пускай она (тварь то есть) издохнет в страшных корчах». Отец сразу свои склянки спрятал, стал лечить Зоєю патентованным аспирином, и никто не издох.

– Ужас какой! От Аделаиды Петровны буду теперь держаться подальше, – пообещала Лиза.

– А я тебе что всегда говорю!

Три раза пробили медлительные часы в столовой. Звезды все-таки сдвинулись с насиженных вечерних мест, небо начало сереть. Лиза склонила на подоконник голову, горячую и тяжелую от бессонницы. Она только собралась закрыть глаза, как внизу звякнула Дамкина цепь. Послышался довольный визг.

Лиза толкнула задремавшую Мурочку:

– Идут!

Мурочка сонно вздохнула:

– Кто? Зачем? Откуда?

А в дверь уже скребся Володька и стучал условным стуком. Без рукава на голове, в теннисных туфлях и с какой-то палкой в руке, он ввалился в комнату.

– Рянгин! – шепотом позвал он. – Иди сюда. Все, кончено!

Иван Рянгин, хоть и не был одет в черное, как японский ниндзя или Вова Фрязин, тоже умел ступать бесшумно. Его полотняная рубашка белела в темноте, а в руках он держал пучок сирени. Пучок этот Иван протянул Лизе.

Ваня обломал сирень по-мальчишески бездарно: черенки оказались слишком короткими. К тому же он умудрился основательно растрепать букет. Ванина ладонь была горячая и влажная. Взяв сирень, Лиза почувствовала жар его руки и то, как крепко, изо всех сил, только что сжимал он ветки и хрупкие листья, которые слиплись в комок. Пусть и не в самом нарядном виде, но это была она – губернаторшина белая сирень. Единственная в городе!

– Ну а кладбищенские огни вы видели? – требовательно спросила Мурочка.

Ваня промолчал, а Володька зачем-то оглянулся по сторонам и прошептал:

– Видели! Еще как видели!

– Тогда чего же ты тут расселся? Рассказывай!

И Володька стал рассказывать. Начал с того, что ночью кладбище выглядело ужасающе. Помянул и длинные тени, и бледный, неверный свет луны, и зловещий мрак, и бешеный вихрь, и стаи стервятников, и глухое уханье совы.

– Не ври, пожалуйста! Откуда там стервятники? – возмутилась Мурочка. – Какой вихрь? Не было ни малейшего ветерка. Ваня, лучше уймите его и рассказывайте сами.

– Нет, Рянгин не сможет! – запротестовал Вова. – Он все упустит, он спартанец – в смысле лаконических речей.

– Вот и хорошо! Не надо размазывать!

– Нет, тут надо до последней подробности все дать!

В общем, если отбросить вихри и уханье, получалось, что до зарослей возле часовни Володька с Ваней добрались благополучно. Они повторили путь Сашки Соловова и даже слышали полуночный бой на соборной колокольне. А вот дальше начались странные вещи.

– На кладбище был кто-то еще кроме нас, – объявил Вова и вытаращил глаза, которые так и сверкнули в темноте.

– Вы кого-то видели? – пискнула Мурочка.

– Не видели, но чувствовали!

Мурочка облегченно вздохнула:

– А! Так, значит, это тебе показалось. Что ты, Чумилка, можешь чувствовать, кроме какой-нибудь ерунды?

– Вы не правы, – вступился за приятеля Ваня. – Когда очень тихо, самый слабый звук или движение можно уловить – наверное, по колебанию воздуха. Это трудно объяснить, но так бывает. Нам было ясно, что где-то рядом разговаривают, и не черти, а живые люди. Голоса были мужские, только странные какие-то, глухие, как из подпола.

– Откуда же такие голоса? – спросила Лиза.

– Да мы сначала и сами не могли понять – ведь ни души кругом! Тогда я предложил тихонько подкрасться к часовне, – с жаром поведал Вова и сделал руками такие движения, будто он плыл по-собачьи.

Ваня его поправил:

– Ты как раз предложил вернуться домой. Но глупо было уходить, ничего не узнав. Мы ведь даже до могилы губернаторши не дошли. К тому же скоро показались огни.

– Они в самом деле плавают в воздухе, как рассказывают? – обрадовалась Мурочка.

– Нет, – ответил Ваня. – Огни просто мерцали из-за веток примерно в том месте, о котором говорил Соловов.

– Тогда мы решили сойти с аллеи, – подхватил Володька. – Ведь иначе нас легко можно было заметить. Мы стали подбираться с левой стороны, из-за оградок. Крапивы там тьма – вот, смотрите, все руки ожег! В следующий раз надену перчатки.

– Не надо следующего раза! – взмолилась Мурочка. – Еще одной такой ночи я не переживу.

Лиза потеряла терпение:

– Да ну вас всех! Никак не дождешься самого интересного. Чумилка со своими красочными подробностями пусть лучше помолчит, а то все только запутывает. Лучше вы, Ваня, рассказывайте дальше.

Спартанец тянуть не стал:

– Мы подошли к самой часовне. Тут я и увидел куст, о котором вы говорили. Белая сирень! В самом деле, ничего подобного больше поблизости нет. А рядом надгробие губернаторши – большой мраморный сундук. Только огни к этой могиле никакого отношения не имеют. Соловов ошибся.

– Где же были огни?

– Дальше, в конце поперечной аллеи. Там есть склеп, где у входа сидит мраморный ангел.

Лиза с Мурочкой понимающе переглянулись. Склеп Збарасских! Это было приметное место на кладбище и, пожалуй, самое романтическое. Располагалось оно поодаль от часовни, там же, где все польские могилы (отдельного католического кладбища в Нетске не было). Среди аллегорических колонн, обелисков и саркофагов стояло внушительное сооружение из мрамора. Оно напоминало приземистую беседку и густо позеленело от времени. Его широкие ступени вели вниз, под круглый свод, и дальше, в царство тьмы. Вход в склеп был забран кованой решеткой. Она прикрывала боковой проход – одни говорили, влево, другие – вправо. Невидимые снаружи, ступени вели в подземелье, и сколько было их, точно никто не знал.

Подземелье склепа, говорили, было как в каком-нибудь средневековом замке. Скорбными рядами стояли там шесть мраморных гробов. В гробах лежали Збарасские, гордые паны из Великой Польши, угасшие лет сорок назад в унылой ссылке. Старики и теперь еще помнили блистательных покойников, сказочно богатых на родине и одних только украинских холопов имевших чуть ли не тридцать тысяч. Збарасские говорили по-французски бойчее многих французов, а северных варваров ненавидели с жаром, какой был возможен лишь в истинно романтические времена.

Те, кто видал когда-то Збарасских живьем, утверждали, что они все шестеро (отец, трое сыновей и двое племянников) были на одну колодку – худые, плоскогрудые, с горбатыми и тонкими до прозрачности носами. Держались они всегда вместе, служили как ссыльные на каких-то никчемных и ненужных должностях при губернаторе. Все Збарасские были неподкупны, высокомерны, вечно холодны, и никогда их узкие уста не исторгали ни единого русского слова.

Однажды один из племянников Збарасских поведал кому-то из сослуживцев (по-французски, разумеется), что он во время Великого восстания, гарцуя на верном Сбогаре, вот этой самой рукой (он показал небольшую голубовато-жилистую руку) зарубил саблей сто восемна-

дцать русских пехотинцев. Слух этот быстро распространился по городу. Число погубленных удалым Збарасским служивых росло с каждым ахом и охом. Лишь доктор Сретенский, известный тогда в Нетске материалист и скептик, смеялся над обывательскими страхами. Он твердил, что особа столь жидкой конституции, каков Збарасский, свершить мало-мальски серьезное физическое действие не в состоянии.

Доктору никто не верил. На Збарасских стали смотреть с ужасом и обходили за версту: если племянник такой свирепый, сколько же народу извел Збарасский – старший? Этот был крепче остальных и надменен до того, что казался слабоумным.

Недолго Збарасские пугали город – их одного за другим свела в могилу фамильная чахотка. Три приехавших невесть откуда пани Збарасских соорудили своим героям пышную гробницу. Погрузив, по странному обычаю, сердца покойных в резные кубки, дамы отправились с ними на родину, а в Сибири оставили лишь опустевшие выпотрошенные тела.

Поляки, которые жили в Нетске, не походили на шестерых кровожадных и заносчивых страдалыцев, но патриотически поддерживали порядок в склепе. В особые поминальные дни они ставили на гробовые ступени плошки, в которых колебались и прыгали невысокие огоньки. Внутри, за чугунной решеткой, тоже сияли недоступные чуждым взорам лампы и светилося зыбкое преддверие вечного мрака. Неуютное было место! К тому же над склепом Збарасских восседал небольшой ангел – страшноватый каменный слепец с вечной бело-пегой голубиной струей на плече. Он указывал сломанным пальцем в жестокие сибирские небеса.

– Я знаю это место! – вскричала Мурочка. – И с огнями все понятно: они у склепа Збарасских всегда стоят в чашечках по праздникам!

– Ничего подобного, – возразил Володька. – Во-первых, никаких чашечек на ступеньках не было, а во-вторых, люди сидели в самом склепе, внутри! Мы не разобрали, о чем они говорили, но они не молились и не поминали усопших. Они спорили и смеялись! Почему на кладбище? Ясное дело: это отличное конспиративное место.

– В книжке «Ник Картер против Кровавого приора» описывается черная месса, – напомнила Мурочка. – Ты, Чумилка, сам мне читал. Есть такие особые тайные общества, которые собираются на кладбищах. Они режут младенцев...

– Младенцев там не было, – твердо заявил Ваня. – И мессы тоже – эти люди просто поболтали, как в какой-нибудь лавочке, и разошлись. Было их человек пять. Жаль, мы их толком не разглядели.

– А вдруг это боевая группа? И на кого-то готовится покушение? – предположила Лиза. Ваня задумался.

– Политика? – сказал он. – Может быть... Нам это как-то не пришло в голову.

– Это тебе не пришло! А я как раз все время про это думал, только тебе не говорил, – без всякого зазрения совести заявил Чумилка. – Нам осталось только узнать, для кого готовится бомба – для губернатора или начальника полиции. А может, для Вурдалака?

Вурдалаком прозвали директора мужской гимназии Неелова за бледность впалых щек и скверный нрав.

– Не пори чушь, – одернула брата Мурочка. – На директоров гимназий не бывает покушений.

– Это еще почему? Вурдалак настоящий зверь!

– Ну и что! Сам подумай: какая это боевая группа будет заниматься такими пустяками, как Вурдалак?

Вова с сестрой не согласился:

– Ты, Маруся, не понимаешь! Как раз группа-то мстителей и имеется. Месяц назад нескольких удалыцов из шестого класса (они с тобой, Рянгин, могли бы учиться!) поймали в кафешантане. И позорнейшим образом поймали: они там пива нализились и пели дурными голосами. Трех сразу из гимназии выкинули. Только Фендрикова отец, присяжный поверен-

ный, отстоял. Он доказал, что его Борьку друзья против воли привели веселиться. Пиво в рот тоже насильно лили, а чтоб Борька пел громче всех, приставляли вилку к брюху. Какие-то лакеи все это подтвердили – наверное, папаша Фендриков их подкупил. И вот теперь те, кого исключили, задумали прикончить Вурдалака.

– Зачем? Я бы на их месте Фендрикова прикончила. Или хотя бы отлупила как следует, – сказала Мурочка.

– Они его уже лупили. Три раза! – сообщил Володька. – Только их жажда мести до сих пор не утолена. Вот они и задумали...

Ваня прервал его:

– Ерунда! Разве гимназисты были в склепе? Голоса-то мужские!

– О, ты не представляешь, какие в вашем шестом классе попадают голоса! Многие режут, как бараны: Третьяков, Снытин, Болонский... Кстати, их как раз и исключили.

– Мы не рев бараний слышали, а нормальный разговор вполне взрослых людей, – настаивал на своем Ваня. – Там еще женщина была. Ей-то на что Вурдалак сдался?

– Женщина? – в один голос воскликнули Лиза и Мурочка.

– Да! Мы и женский голос слышали, тоненький такой, – подтвердил Вова.

– Чего же вы раньше молчали? Тогда это точно террористы, – обрадовалась Мурочка. – У них всегда полно женщин: Шарлотта Корде, Вера Фигнер, Перовская. А Надя Хлопова!

Надя Хлопова была местная героиня, молоденькая нетская учительница. В конце 1905 года она стреляла в казачьего офицера Драникова, который сек забастовщиков с мыловаренного завода. Скандал был страшный, но кончился мирно: Драников, которого ни одна Надина пуля не взяла, отсиделся на гауптвахте, а Надю оправдали присяжные. Она некоторое время побыла чем-то вроде местной иконы – до тех пор, пока не вышла замуж за заводчика Савватеева и не укатила с ним куда-то на юг. Но ее долго помнили. Даже продавали ее карточки в шубке, с муфтой у щеки, в маленькой шапочке, надвинутой на строгие союзные брови.

– Может, это все-таки не террористы, – задумчиво проговорил Ваня Рянгин. – Надо бы еще разок туда сходить и разузнать хорошенько.

Его серьезное лицо теперь ясно проступало из поредевшей тьмы. Лиза испуганно уткнулась в мятую сирень. Неужели он снова отправится ночью на кладбище, к склепу, в котором горит огонь и неизвестно кто переговаривается?

– Итак, завтра снова туда? – бодро спросил Володька.

– Завтра, может, еще рано. Надо сначала разобраться с уликой, – ответил Ваня.

– С какой уликой? – удивилась Мурочка.

– Ну вот, Рянгин, проболтался! Мы вообще-то решили лишнего вам не говорить, – значительно объявил Вова. – Дело сложное и, скорее всего, опасное. Хотя... Может, все-таки покажем? Вдруг они нас просветят, что мы нашли. Вещица-то определенно дамская!

Ваня пожал плечами и достал из кармана что-то небольшое, но длинное, вершка в полтора. Лиза взяла вещицу, повертела в руках.

– Это шпилька для волос, – сказала она удивленно.

– Ага! Что еще раз подтверждает, что в шайке есть женщина! – торжествовал Володька.

– И женщина достаточно элегантная, раз носит в прическе такое, – добавила Мурочка.

Шпилька в самом деле была необыкновенная. Сделанная в виде павлиньего пера, она заканчивалась ажурным лепестком с камушками. Камни-то, возможно, были и ненастоящие, но работа тончайшая и очень модная.

– Где вы эту прелесть взяли? – спросила Лиза.

– Нашли на второй ступеньке склепа, – ответил Иван.

– Мы искали какие-нибудь следы, чтобы их измерить, – таинственным голосом сообщил Володька. – Потом мы стали бы присматриваться к обуви нетских обывателей...

– Которых тридцать с лишком тысяч? – засмеялась Мурочка. – Вы что, гонялись бы за ними и просили подошвы показать? Как в сказке про Золушку?

Ваня заметно покраснел.

– И потом, откуда сейчас следы возьмутся? – не унималась язвительная Мурочка. – Дождя-то три недели не было. Если только террористы не наступили в какую-нибудь гадость...

– Ты, Мура, все понимаешь буквально! – вспыхнул Вова. – А я, наоборот, выразился фигурально. Мы искали *всякие* следы: ног, рук. А еще окурки, сигарный пепел, оброненные записки, забытые перчатки или шляпы. Ты что, книжек не читаешь? На месте преступления всегда такого добра полно. Только нам ничего подходящего, к сожалению, не подвернулось. Зато мы нашли эту шпильку!

– Может, ее еще днем кто-то обронил? – спросила Лиза.

– Исключено! – отрезал Володька. – Вечером вокруг богатых могил всегда сторож подметает. Он не мог не заметить такую блестящую штуку. А то, что мы ночью на ступеньке ее нашли, о чем говорит?

– Ну, и о чем же? – фыркнула Мурочка.

– О том, что дама, ее обронившая, присутствовала на сходке. Она из склепа выходила, голову наклонила – свод-то там низкий! – шпилька и вывалилась из прически. Логично?

Мурочка не нашлась что ответить.

– Надо все это выяснить, – сказал Ваня Рянгин. – Если уж что-то меня задело, я не отступлю, до конца дойду.

Что еще он мог сказать – герой, пловец, знаток косматых мамонтов, бесстрашный посетитель старых кладбищ?

4

Ослепительным утром – белым, сулящим долгий знойный день – Лиза вернулась домой от Фрязиных. В столовой как раз завтракали. Лиза зевала и щурилась на солнечные пятна, которые лежали на скатерти, чашках, салфетках. Теткин начищенный кофейник сиял нестерпимо.

Лиза съела булку с маслом, напилась чаю и ушла к себе с неизменной мадам де Сегюр под мышкой. С порога она бросилась на свою кровать, такую же беленькую, как у Мурочки. Нетронутая постель была прохладной, гладкой, вчерашней. Заснула Лиза мгновенно.

Когда она открыла глаза, было уже поздно – пожалуй, часа три. Зловредное солнце перебралось из столовой в Лизину комнату и накалило белые занавески. Они пылали жаром, а в оплошно оставленную между ними щель пробрался огненный луч и начал греть и жечь ту часть Лизиной головы, которая оказалась ему подвластна. Ухо, глаз и половина щеки горели, будто их натерли горчицей.

Лиза моргнула полуослепшим глазом и передвинулась на теневую часть подушки, блаженно прохладную. Не сразу удалось вспомнить, что же такое странное и интересное было вчера. А ведь что-то было!

Вспоминать мешали голоса в соседней гардеробной. Переговаривались бывшая Лизина няня Артемьевна, которая вела теперь у Одинцовых хозяйство, и девушка Матреша, полукухарка-полугорничная. Обе они возились у шкафов, копошились в тряпье – должно быть, выбирали шерстяное для просушки во дворе. Это был ежегодный обычай в дни, когда устанавливалась жарница.

– И что ж теперь нашей барышне будет? – жалостливо говорила Матреша.

– Пожурит тетка да перестанет – злости настоящей в ней нет. А вот штучку не знаю куда одевают, – отвечала няня.

О чем это они, интересно?

– Вещь, я слышала, дорогая. Откуда взялась? Дал кто-то барышне, что ли? – продолжала беспокоиться Матреша.

– А хоть бы и дал. А хоть бы и кавалер! Девка молода, справна – пусть погуляет. Дома томить хуже – сама сбежит али болеть будет.

– Что вы, Артемьевна, такое говорите!

В подобных вопросах Матреша и Артемьевна вечно оказывались несогласны. Это потому, что воспитаны они были слишком по-разному. Артемьевну взяли нянчить еще Лизину мать из глухой, чуть ли не приполярной деревни Перфилово. Лизин дед оказался там проездом по каким-то спекуляциям, которые в конце концов его и разорили. Артемьевна тогда была довольно молодой, очень румяной вдовой. Имя было у нее то ли сказочное, то ли чересчур старинное – Агафоклея. Все до единого жители деревни Перфилово (и Агафоклея, разумеется, тоже, причем как до замужества, так и после, по мужу) носили одинаковую фамилию – Перфиловы. Слыли они чуть ли не потомками самого Ермака и его удалцов. Судя по наружности местных жителей, казачью кровь основательно разбавили скуластые остячки.

Нравов в Перфилове придерживались самых архаических: девки с парнями гуляли невозбранно, на вечерках усаживали возлюбленных себе на колени и замуж шли, родив одного, а то и двух ребят. Детная невеста считалась надежна и плодпива, в отличие от той, которую никто не пожелал или которая слаба оказалась забрюхатеть. А вот перфиловские жены были неприступны и строги, в противном случае побивались крепко.

И муж, и дети у Артемьевны умерли. В Нетск она от вдовьего скучного житья поехала с охотой. Была она веселая, работающая, но перфиловских взглядов на жизнь и любовь в городе

не переменила, как и своего исконного говора. Через нее Лиза узнала много такого, что прочим девицам если и снилось, то было решительно непонятно.

Матреша же происходила из переселенческой деревни Касимовки и воспитывалась в строгости, в незабываемых понятиях о девичьей чести. Она была некрасива от природы и от скромности и чиста, как весталка. Самоотверженно наработывала деньжат, полотенец и кашемировых подшالков себе на приданое. Почему-то только после накопления этих припасов могла она, как мечтала, соединиться со своим женихом Митрофаном. Верный Митрофан тоже восьмой год, как библейский Иаков, работал у мясоторговца Жунина: собирал капитал для грядущего счастья с Матрешей.

Такая верность в любви поражала Лизу. Она все просила Матрешу показать фотографию жениха и искала в плоском, плохо слеппленном Митрофановом лице следы жаркой страсти. Но Митрофан бессмысленно пучил с карточки глаза и не походил ни на какого героя. Эти двое из Касимовки были слишком некрасивы для своей небывалой любви! Только нежнейшее созвучие их имен – Матреша и Митроша – давало надежду, что любовь эта в самом деле будет вечной, и скопят они сколько надо денег, и поженятся, и даже умрут в один день.

Года три назад Митроша приехал с Матрешей повидаться. Лишь один день побыли они вместе. Даже полдня: жадный Жунин отпустил помощника к обеду, а вечером они оба должны были ехать в Тару.

Митрофан сидел посреди одинцовской кухни почти не двигаясь, будто его снова фотографировали. Оказалось, он точно такой же, как на карточке, только раскрашен ярко-красным, малиновым и кирпичным по плоскому неулыбчивому лицу. Он методически пил чай, ел пироги и баранки.

Поглазев немного на гостя, Артемьевна собралась уйти с кухни и увести любопытную Лизу, чтобы влюбленные помиловались наедине.

Но Матреша, оказывается, ничуть миловаться не желала! Она, как и Митроша, вся раскраснелась и стала от этого совсем некрасивой. Никак не могла она усидеть на месте, металась по кухне, выбегала то в комнаты, то на двор, и от нее кисленько и свежо пахло новым голубым ситцем. Это голубое, в мельчайший цветочек платье Матреша надела в первый раз. Оно топорщилось и было расчерчено квадратными складками, в которые слежалось в сундуке.

Артемьевну Матреша из кухни выпускать не хотела ни за что и поминутно заставляла пить чай. Няня сосала кусочек сахара, обмакивая его в чай, и подначивала Митрошу: мол, трудно смирно сидеть, когда ягодка рядом. Матреша тут же убегала во двор, размахивая руками. Митроша сидел лиловый от смущения, но не отвечал ни слова. Он громко глотал чай и стирал пот, который катил с лица.

Наконец няне надоела эта комедия. Она и сама пошла к себе, и Лизу прочь вытолкала. Матреша увязалась за Артемьевной, в передней вцепилась няне в кофту и горячим шепотом стала умолять еще посидеть на кухне. Люди должны знать, что у них с Митрошей все честно! А то еще наговорят чего, заподозрят Матрешу в беспутстве, и Митроша заболит с огорчения.

– Дура ты! Каки тут люди? Где они у нас? Под лавкой сидят? – отмахнулась Артемьевна. – С чего Митроше кого слушать, когда он сам знает, что тебя даже не шшупал? Иди приголубь, не то Кондрат его хватит. Он же мушшина, им терпеть трудно. Вон поглянь – сидит, бедный, шшоки красные, ишшо лопнут!

– Что вы такое говорите, Артемьевна? – ахала Матреша. – Беды мне накличете!

– Кака беда, когда девка гуляет? Лиза, ну-ка, к себе иди, рано тебе про тако знать! Это Матреше в самый раз. Матреша, горишь ведь, девка! Поди, поди к нему, не томишь, не то сухотку каку займешь!

Так и не сговорились тогда Матреша с Артемьевной, и в компанию к неподвижному Митроше для приличия был приглашен дворник Семен. Эти двое выпили два самовара, съели пропасть пирогов. Влюбленные вновь расстались на годы.

Сейчас Матреше было уже двадцать пять лет. Приданое пока не набиралось, да и Митроша у Жунина не забогател. Он по-прежнему писал письма, мечтал о свадьбе, слал каждый год свои карточки с выпученными глазами – почти одинаковые, только его лицо с каждым разом становилось шире и шире.

Лиза и сама за эти годы хоть не поширела, но выросла. До того выросла, что няня стала тетю Анну Терентьевну осуждать за то, что не дает девке воли. Все Лизины шалости и отлучки Артемьевна неизменно покрывала. «Девка гуляет» – это для Артемьевны было законом. Конечно, Лиза знала, что барышни гуляют совсем не по-няниному. Но не спать ночь, получить сирень со страшного кладбища и сводить с ума мальчишку, у которого цыпки на руках, – это барышне вполне позволительно.

– А вдруг ту вещицу искать будут? – опять забеспокоилась в гардеробной Матреша.

– Да кто? Когда подарено? – пыхтя, отвечала няня.

Очевидно, она вынимала шубы из шкафа и бросала их в Матрешины растопыренные объятия.

– Зачем тогда она в кармане спрятала, в жакетке, и не показала никому? Даже Анне Терентьевне? Я прибирала и чуть палец не уколола. И кто подарил? У Фрязиных гостей ввечеру не было.

Лиза вдруг сообразила, о чем няня с Матрешей судачат. Это они шпильку с кладбища нашли! И тете Анюте отдали!

Такой оборот событий Лизу огорчил. Ведь она пообещала приятелям что-нибудь разузнать про шпильку. Для этого надо было днем сбегать в магазин к Натансону. Ничего не стоит навести там справки. Дело в том, что, борясь с безденежьем, тетя Анюта снесла к Натансону почти все фамильные ценности – от собственных девичьих сережек до увесистой серебряной крюшонницы, которую Лизин дед в молодые годы выиграл в карты. Натансон разбирался в ювелирном деле, как никто в Нетске. Эту шпильку с камушками он либо сам кому-то продал, либо на ком-то видел. Все, что узнает, Лиза собиралась вечером сообщить в ларинской беседке.

И вот теперь такое замечательное начинание пойдет прахом!

«Зачем только я бросила жакетку в передней! Хотела в шкаф сунуть, да сон проклятый обуял!» – ругала себя Лиза. Легче от этого не становилось. Что теперь сказать тетке? И как вернуть шпильку?

Долго тужить и оплакивать собственные промахи Лиза не любила. Она была нетерпелива и сама бросалась бедам навстречу. Только бы побыстрее все случилось, только бы не ждать ни минуты!

Лиза решительно подошла к зеркалу. Отражение в нем никуда не годилось: лицо сонное, одна щека розовее другой, волосы всклокочены. Лиза взялась за дело. Она тщательно причесала свои буйные космы, сплела из них тугую, как палка, унылую косу, поправила воротничок. Теперь все отлично. Даже уши, кажется, торчат сегодня больше обыкновенного!

Смирненно выпрямившись, чуть согнув и отставив локти (именно так, со скромной грацией, держали себя воспитанницы Павловского института), Лиза двинулась в гостиную. В гардеробной няня с Матрешей действительно разбирали шубы, пальто и суконные платья. Лиза подмигнула няне, та понимающе ухмыльнулась.

Тетя Анюта сидела в гостиной одна, у окна, в любимом полосатом кресле. На столике рядом с ней в продуманном беспорядке лежали предметы, дающие даме тихий и полезный досуг: недавний номер «Нивы», несколько прескучных исторических романов Салиаса в переплетах и просто в растрепанных магазинных бумажках, а также неожиданное письмо от старой институтской подруги. Письмо было получено полгода назад и сообщало, что девять из шестнадцати детей, рожденных подругой в счастливом браке, выжили – и теперь подарили ей невероятное число прелестных внучат. Корзинка с вязаньем также стояла на столике.

Анна Терентьевна вязанием сейчас и занималась. Однако белый гарус временами нервно прыгал и путался в ее руках, а крючок, коварно извернувшись, хватал не ту нитку, что надо, так что антимакасар – практичный подголовник на кресло – выходил из рук вон. А все потому, что Анна Терентьевна переживала душевное смятение. Ее губы были сжаты в кучку, брови вскинуты, голова скорбно склонялась набок.

Причина огорчения была под рукой: на том же рабочем столике, не касаясь благородных Салиасов и добропорядочных нитяных клубочков, нагло блестела шпилька в виде павлиньего пера.

Чтоб не срываться на неприличные экспромты, тетя Анюта тяжелые сцены проводила в величавом стиле. Услышав шаги племянницы, она медленно подняла глаза от вредного крючка. Негромко произнесла:

– Лиза?

По первому же звуку голоса Лиза поняла, что в намеченной сцене у тетки будет амплуа гранд-дамы, исполненной печали и достоинства. Значит, Лиза должна будет держаться глуповатой инжени. Она послушно споткнулась на полпути к окну: именно там ее заставлял в подобных случаях первый теткин вопрос.

– Да, тетя, – с кроткой готовностью подала голос Лиза.

– Лиза, что это такое?

На павлинье перо-шпильку Анна Терентьевна указала одними глазами. Тыкать пальцем, размахивать руками, вообще заметно жестиковать она себе не позволяла – это вульгарно.

Лиза послушно уставилась на шпильку. В ярком свете дня вещица показалась еще наряднее, чем в утренних потемках. Павлиний глаз в центре пера глядел синим камнем размером с ноготь. Вокруг, в веере золотых ажурных розеток, сидели светлые камушки поменьше.

– Красиво, правда? – не удержалась Лиза.

– Елизавета! Ответь, откуда ты взяла эту вещь?

Когда Анна Терентьевна сердилась, то брата и племянницу, по-домашнему Паню и Лизу, величала Павлом и Елизаветой.

Пока гранд-дама недоуменно скорбела, скрестив руки на гарусе, Лиза прикинула, как выкрутиться.

Главное – выдержать роль. Если б она была просто Лизой, затеявшей игру в сыщики со старыми друзьями Фрязиными и... еще кое с кем! – она обязательно бы покраснела, сфальшивила и голосом, и выражением лица. Но вообразить себя актрисой – другое дело. На сцене вранье называется искусством. Оно изъясняется такими словами, каких в жизни никто не говорит. Да тетя и сама всегда кого-то играет!

Поэтому легче легкого было сказать:

– Тетя, я эту шпильку нашла на Сенной.

Анна Терентьевна округлила глаза:

– Что ты делала на Сенной?

– Я шла в аптеку Бирмана. Эта шпилька лежала как раз напротив дверей – попала в тротуарную щель.

Все это было полнейшей ложью. Однако Лиза почему-то, как наяву, увидела и пыльный дощатый тротуар Сенной, который прыгает и вздрагивает под каблуками, и аптеку, и щель, и даже засевшую в щели шпильку.

– Но что тебе понадобилось в аптеке? – был следующий вопрос. В нем дальней грозой рокотала теткина тревога.

Лиза для убедительности решила плеснуть в бочку лжи ложку горькой правды. Она потупилась и сделала признание:

– Мне очень захотелось взглянуть на пиявок. Я часто туда хожу. Пиявки так потешно крутятся в банке! Они прицепляются изнутри к стеклу губами. Часами можно смотреть!

Все это было истиной. Про пиявок в аптеке Бирмана, которые заворачивали ее с детства, Лиза могла рассказывать долго, наслаждаясь собственной правдивостью.

Но тетя Анюта прервала ее:

– Елизавета! У тебя невозможные вкусы. Ты уже взрослая девочка. Поэтому старайся скрывать свои неизящные склонности и занятия, если нет сил от них отказаться. Есть вещи, которые простительны ребенку, но компрометируют девушку.

У, все это Лиза давно затвердила наизусть! Нельзя признаваться знакомым, что ты бегаешь быстрее мальчишек, что руками ловишь головастика, что у тебя великолепный аппетит, что ты совсем не устаешь и часами можешь гонять на велосипеде. И что стихи, собственную игру на рояле и белые розы на шляпах ты не то чтобы совсем уж терпеть не можешь, но прекрасно прожила бы и без них.

– Хорошо, тетя. Я буду скрывать про пиявок. Хотя они такие милые...

– Не заговаривай мне зубы, – строго прервала тетка. – Зачем ты взяла эту вещь с туалета? Разве девице допустимо поднимать что-либо с земли?

– Нет, тетя, – отвечала Лиза цыплячьим голосом. – Я просто о чем-то в это время задумалась и подняла машинально. И тут же решила бросить обратно.

– Так почему не бросила?

– Потому что сзади шел сын булочника Сумятова. Если б я бросила что-то, он тут же бы поднял и мне поднес, а потом всем рассказал бы, что это было. К чему нам огласка? А вдруг он не вернул бы мне шпильку? Тоже не годится. Я ведь сразу поняла, что вещь хорошей работы.

– И что из этого?

– А может, ее обронила какая-то почтенная дама? Может, это подарок ее покойного мужа? Теперь она сидит, бедная, и обливается слезами, а этот противный Сумятов положил бы в карман дорогую ее сердцу вещь. Я ведь решила отдать шпильку в аптеке Бирману. Может, та несчастная дама шла как раз в аптеку? Она была нездорова, вот и обронила шпильку, не заметила. А Бирман бы вернул при случае.

– Ну? Ему-то почему не отдала?

– Тетя Анюта, миленькая, я позабыла! Я на пиявок засмотрелась!

– О! О! О! – застонала Анна Терентьевна.

Как полагалось в подобных случаях, Лиза бросилась к тетке, спихнула с ее колен гарус и положила на них свою гладкую повинную голову с ушами, горящими от вранья.

– Ах, Лиза, Лиза! – сокрушалась Анна Терентьевна. – Что мне с тобой делать? Уж не знаю, как это вышло, но твое воспитание никак не приобретет необходимой шлифовки. Это все провинция! Стоячее болото! О, сколько захирело тут блестящих задатков! Сколько погублено многообещающих карьер!

Светская карьера самой Анны Терентьевны не сложилась, как она сама говорила, из-за того, что в Нетске люди сердечные, но донельзя вульгарные. А ее большая любовь... На эту тему допускались лишь самые смутные намеки. Они нагоняли еще больше туману на причины ее стародевства. Упоминался лишь первый бал в Тамбове и белое с перваншевым² тогдашнее платье, которое было Анне Терентьевне очень к лицу. На удары судьбы, страдания и погибель любимого человека тоже намекалось, но невнятно.

Теперь, должно быть, все это вновь пришло Анне Терентьевне на ум. Слезы хлынули из ее глаз и носа, и ей пришлось уткнуться в большой, обшитый кружевом платок, который для таких случаев всегда имелся в рабочей корзинке. Уже не скверная, дерзкая Елизавета, а любящая Лиза целовала большую теткину руку – ту, которая была без платка и по-царски горестно лежала на подлокотнике кресла.

² Перваншевый – ярко-голубой цвет. (Примеч. ред.)

– Ну, будет, Лиза, будет! – примирительно, в нос, сказала Анна Терентьевна. – Некогда нам расклеиваться. Надо решать, что делать с твоей злополучной находкой. Пойми, ты попала в немыслимую ситуацию: молодая девушка подобрала на улице дорогую вещь, принесла ее домой, держит у себя... Невозможно! Что о тебе подумают?

– С чего вы, тетя, взяли, что эта вещь дорогая? Работа, не спорю, хороша, но камни... Что-то их многовато. По-моему, это просто стекляшки. Сейчас такие очень хорошо делают.

Анна Терентьевна покачала головой:

– Нет, Лиза! Ты просто никогда не видела по-настоящему ценных вещей.

– Да, вы мне их не показывали, когда они у нас еще были. Все под замком держали, – подхватила злопамятная Лиза.

– Это к лучшему! Теперь тебе не о чем жалеть. Но я-то повидала в жизни много хороших камней. Когда мой обожаемый папа был еще жив, и княгиня Пронская завещала ему все свое состояние... Лиза, ты знаешь, что это?

Анна Терентьевна указала на камушек, который красовался в центре павлиньего глаза. В камушке этом жила и металась отсветами глубочайшая синева.

– Это сапфир, Лиза! Немаленький. А вокруг бриллианты – семь совершенно одинаковых бриллиантов. Это очень дорогая вещь.

Лиза с новым интересом стала разглядывать Ванину находку. Неужели в террористическую группу из склепа затесалась какая-то миллионерша? Кажется, не водилось в Нетске романтических богачек. Все состоятельные дамы держались за свои денежки и никакой революции не сочувствовали.

Тогда, быть может, сами террористы ограбили миллионершу? Это у них называлось каким-то длинным словом на «э», которое Лиза никак не могла вспомнить. Нет, тоже невероятно! Если б случился такой грабеж, шуму было бы на весь город. А шума нет. Странно...

– Ума не приложу, что предпринять с этой вещью, – повторила Анна Терентьевна.

Лиза сделала вид, что соображает, но на самом деле давно придумала, как быть. С теткой ли, без тетки, она сделает все по-своему!

– Знаете, тетя... – задумчиво начала Лиза. – У нас есть, кажется, только один способ выпутаться из щекотливого положения.

– Что за способ? – недоверчиво спросила Анна Терентьевна.

– Нам надо сговориться с няней, а потом пойти к Натансону. Мы ему покажем шпильку и скажем, что ее нашла Артемьевна. Ей ведь и поднять на улице что-то не грех, правда? Натансон в ювелирных делах дока. Он или скажет, чья это штучка, или аккуратно наведет справки.

– Ох, нехорошо!

– Почему? Раз вещь, вы говорите, дорогая, хозяйка или хозяин обязательно отыщутся и еще нам спасибо скажут! Мы ведь, как благородные люди, вернем потерю. А могли ведь потихоньку сбыть – либо шпильку целиком, либо камушки скovyрнуть...

– Лиза! Лиза! – отшатнулась от нее тетка. – Что за мысли, что за слог!.. Хотя ты, кажется, права. Завтра я съезжу к Натансону...

– Сегодня, тетя, сегодня! Не то будет похоже, что мы тянули время и пробовали выковыривать камни. Пойдемте! И я с вами.

– Нет, это лишнее. Тебе нечего лезть в такое дело. Молодая девица...

– Должна витать в облаках, как кошка? Я это знаю, но все равно с вами пойду. Ведь эту шпильку нашла я! К тому же мне так хочется посмотреть у Натансона жемчуга, какие теперь самые модные – эти длинные нити, о которых все говорят. У Аделаиды Петровны, например, жемчуг до самых колен висит. Я сама вчера видела!

Анна Терентьевна одобрительно вздохнула:

– Да, ничего не поделаешь – юность всегда тянется к прекрасному!

Интерес молодой девушки к жемчугу показался ей более симпатичным, чем тяга к пиявкам.

– Ладно, так и быть, едем к Натансону, – решила она.

«Едем» было сказано из приличия и по привычке. К Натансону тетя и племянница отправились пешком. Извозчика брать не стали – всего-то полчаса ходу!

Такой променад с целью экономии Анна Терентьевна находила вполне приличным и нисколько не оскорбительным. Собственных выездов у Одинцовых давно не водилось. В их каретном сарае громоздился разный хлам. Однако на один бок осевшая, старомодная, с проломленным дном коляска до сих пор пылилась в углу. Она напоминала о былом достатке, о езде с ветерком, о рыжей гривастой паре, что обитала некогда рядом, в беленой конюшне. Теперь и в конюшне тоже копилась неизбежная рухлядь, хотя и потягивало иногда конским духом, сенцом, навозом и дальней веселой дорогой.

В самом начале лета случаются в Нетске внезапные жары. Небо тогда дышит огненной пещью, воздух сам собою потрескивает и колыхается волнами. Именно в такой день Анна Терентьевна с Лизой двинулись к Натансону.

Они шествовали по улице, которая называлась Новый бульвар. Правда, там не росло ни одного дерева. Растительности на бульваре не завели, ссылаясь на общее мнение, что в Нетске на улицах деревьям не жизнь. Название же было данью мечтам о том, как через триста лет настанет лучшая, осмысленная, красивая жизнь. Тогда и бульвар зазеленеет – быть может, даже сам собой.

Дамы шли по солнцепеку в летних туалетах. Наряды считались летними лишь потому, что были сшиты из более светлых и чуть более редких, чем обычно, материй. Глухие воротники, длинные рукава, чулки, тесные туфли – до чего все это было старомодно и глупо! Лиза от души страдала в своем белоснежном гипюре, под ненавистной шляпой-тарелкой с куцей девической лентой. Хорошо еще, что тетя Анюта разрешила не надевать перчатки. Прошлым летом на даче Лиза преспокойно щеголяла в короткой матроске и босиком – о, блаженство! Но в этом сезоне Анна Терентьевна решила, что с Лизиной шеей случилось нечто важное и надо прятать это в воротник, простирающийся до самых ушей.

Сама Анна Терентьевна выступала рядом с Лизой затаенная, с императорской челкой, прилипшей ко лбу. На голове она несла целую корзину шелковых роз, которые декадентски поблекли за четыре года, прошедшие с того дня, как они распустились в шляпной мастерской мадам Шипиловой. Несмотря на жару, Анна Терентьевна шла ровно и плавно. Ее красные губы изо всех сил пытались сложиться в небрежную улыбку; ее кружевной зонтик, искусно заштопанный в двух местах, отбрасывал рябую тень.

Только у Натансона можно было перевести дух после экономической прогулки. Магазин был устроен отлично: при открывании дверей тихо тренькал над головой колокольчик, стены обшиты деревом, за стеклянной витриной стояли два молодых Натансона, из которых младшему стукнуло лет сорок пять. Но главное, тут всегда было темновато и прохладно. Летом это очень кстати.

Анну Терентьевну, как всегда, встретил сам хозяин, Натансон-отец. Сыновья лишь безмолвно улыбались по углам. Натансон-старший, очень пожилой, очень бледный, с тусклыми, будто заплаканными глазами, манеры сохранил превосходные. Его ласковый голос таял, как масло в каше. Одинцовым он очень обрадовался – наверное, решил, что, оторвав от сердца, они принесли очередную семейную реликвию (как правило, весьма хорошего вкуса).

Смущенная Анна Терентьевна приложила платочек к потному лицу. Очень издали завела рассказ о злополучной шпильке. История у нее получилась такая путаная, что даже Лиза ничего не поняла. Зато Натансон качал головой и поддакивал.

Наконец тетя Анюта извлекла из ридикюля вчерашнюю находку. Старик Натансон взял шпильку длинными восковыми пальцами, которые у него не до конца разгибались, да и сги-

бались как-то странно, не в ту сторону, куда положено. Подержал шпильку перед носом, ласково улыбнулся. Затем вставил в глазницу монокль и стиснул стеклышко кожными складками так, что оно не вываливалось даже тогда, когда он сам склонялся очень низко. Включил особую электрическую лампочку, несильную, но немигающую, и медленно в ее свете повернул шпильку так и эдак. Впился водянистым своим зрачком, который в монокле сделался огромным, в павлиний глаз синего камня. Даже потрогал этот камень кончиком кривого мизинца – так осторожно потрогал, будто камень был живой и мог поежиться.

Наконец экономный Натансон потушил электричество и положил шпильку на стеклянную витрину перед Анной Терентьевной.

– Мадам имеет хорошую вещь, – весело сказал он.

Из вежливости Натансон всегда обращался к клиентам в третьем лице, что выдавало в нем уроженца западных губерний. О себе он тоже говорил в третьем лице – «наша фирма», «наш магазин». Лицо второе или первое, быть может, и употреблялось Натансоном где-то в семейном кругу, но то было его сугубо частное дело.

– Это ваша работа? – обрадовалась Анна Терентьевна.

– О нет. Наша фирма может делать хорошую работу. Но эту не делала!

Он гордо упирал на слово «может». Анна Терентьевна совсем растерялась. Лиза пришла ей на помощь. Писклявым детским голоском, изображающим дремучую наивность, она спросила:

– А это вправду сапфир?

– О да, мадемуазель. Не шпинель, не аметист, а именно сапфир. Хороший камень – тон густой, почти лиловый. Скорее всего, это цейлонский сапфир, но огранен в Европе лет сорок назад. Голландия? Нюрнберг?.. А вот золотая работа недавняя, российская – возможно, петербургская или варшавская. Но не Москва, нет! Не тот вкус!.. Что еще? Бриллианты безупречные, но подобраны хорошо – все голубой воды, огранены почти идеально. Мадам имеет вещь!

– Ах, эта вещь совсем не моя! – нахмурилась Анна Терентьевна.

Она звонко щелкнула замком ридикюля, дав понять, что в руки больше не возьмет неожиданно приблудившуюся к ней варшавскую работу с безупречными бриллиантами.

Лиза по-прежнему изображала глупую *bebe*³ и не сводила глаз с массивного деревянного слона с фальшивыми камнями вместо глаз. У слона в спине была обложенная бронзой дыра, и оттуда торчали карандаши.

– Настоящая индийская работа, – снисходительно улыбнулся Лизе и слону Натансон.

– Однако, Самуил Акимович, я бы вас попросила... – замялась тетя Аня. – Господи, дело такое щекотливое... Если вы не делали и не продавали этой шпильки, как же теперь?.. Ее нашла наша няня... Не наведете ли вы справки, чья это вещь? Я бы хотела вернуть!

Натансон склонил голову, прикрыл глаза тонкими складчатыми веками.

– Наша фирма эту вещь не делала. Наш магазин эту вещь не продавал. Но это не значит, что фирма не имеет сведений. Вещь хорошая. Вещь известная. Вернее, две вещи.

– Какие две? Что вы имеете в виду?

– Этих шпилек две. Они парные. Одна, как я вижу, потеряна, и ваш человек нашел ее.

– А кто потерял, вы знаете? Не томите! – взмолилась Анна Терентьевна. – Кто та дама, которая...

– Не дама – девица. Юная девица, мадемуазель Пшежецкая, – сказал Натансон, не открывая глаз.

– Ах, боже ты мой!

³ Малютка (*фр.*).

Анна Терентьевна вновь щелкнула ридикюлем, выхватила платочек и приложила его к вспыхнувшему лицу. Чем дальше, тем дело становилось неприличней. Шпилька, оказывается, была Зосина. Ничего хуже быть не могло!

Ах, эта Зося... Анна Терентьевна даже не могла подобрать для нее точного слова, уместного в дамских устах. Куртизанка? Гетера? Камелия высшего разбора? В Нетске хватало веселых и нестрогих дам: они всегда заводятся там, где полно офицеров, чиновников, торгового люда. Были певички, артистки, швейки. Встречались тихие содержанки, которые оказывались вернее многих жен, и бесшабашные милашки, что не прочь на часок заглянуть в номера «Англии». Прочие веселые особы относились к самым низам ремесла и селились скопом на Саперных улицах.

Однако Зося Пшежецкая ни к одному из этих разрядов не относилась. Она, несомненно, являлась самым ядовитым цветком в Нетске. И самым дорогим – тем, который почти нельзя запросто купить. Зато скандалы, разорения и любовные безумства были по ее части.

Самым же скандальным в Зосе было то, что она происходила из очень порядочной нетской семьи. Во всяком случае, ее покойный отец, рыжий штабс-капитан Пшежецкий, пусть и любил покутить, и в карты играл много и неосторожно, но считался бравым офицером. Он любил говорить, что на самом деле он граф, вот только в каком-то XVIII веке в геральдических документах рода какие-то негодяи описались, и титул как-то сам собою, вместе с очень красивым гербом, сгинул. Мать Зоей, Антония Казимировна, вообще славилась набожностью и строгостью нрава. Младшая Зосина сестра училась в Ольгинской гимназии вместе с Лизой и Мурочкой. Одна лишь Зося была паршивой овцой в честном семействе. Одинцовы, само собой разумеется, с Зосей не знали и не водились.

– Самуил Акимович, не могли бы вы передать шпильку этой... Пшежецкой? – начала было Анна Терентьевна.

– Увы, мадам, – развел негнущимися руками старый Натансон. – Наша фирма делает вещи, продает вещи, но подобные комиссии взять на себя не может. Нет, никак не может! При глубочайшем уважении к мадам...

– Но отчего же?

– Слишком хороший камень, цейлонский, скорее всего. Огранка голландская. Сама работа петербургская. И лежит на тротуаре? Мадам, вероятно, пожелает вознаграждение за возврат вещи.

– Нет, нет! – вспыхнула тетя Анюта.

– Фирма может рекомендовать человека, который за разумные комиссионные, возможно, согласился бы уладить дело, – невозмутимо продолжал Натансон. – Мадам справедливо замечает – очень деликатное дело. Дорогая вещь, цейлонский сапфир. Вознаграждение будет хорошее, человек может иметь с него проценты.

– Вот еще! Ничего настолько деликатного тут нет. Не украли же мы эту шпильку! – возмутилась Анна Терентьевна и высокомерно направилась к выходу. – Как-нибудь я сама этот пустяк улажу.

Вдруг она остановилась и подозрительно оглянулась по сторонам. Никого в магазине не было, даже младшие Натансоны куда-то пропали.

Однако Анна Терентьевна грозно сказала:

– Надеюсь, наш разговор останется между нами?

– Мадам совершенно права! Никакого разговора не было. Наша фирма имеет репутацию. Мадам всегда может быть довольна: магазин дает хорошие цены, private сделки без лишнего шума. Наша фирма могила, и если мадам говорила лишнего...

Анна Терентьевна с достоинством выплыла на солнцепек, открыла зонтик и топнула ногой.

– Вот видишь, Лиза, какую непростительную ошибку ты совершила, – недовольно сказала она. – Теперь не расхлебашь! Глупый магазинщик! Бог знает что обо мне подумал.

– Он подумал, что вы эту шпильку стащили и теперь хотите за возврат получить побольше денег, – беспечно предположила Лиза. – Кстати, сколько нам на самом деле могли бы дать?

К Лизе вернулась веселость: она сумела-таки узнать о ночной находке самое главное. Теперь можно и дальше расследовать эту историю со склепом и террористами. Может получиться совсем как в Володькиных книжках про Шерлока Холмса и других молодцов-сыщиков! Правда, по законам этих книжек Зося, потеряв шпильку в опасном месте, должна была впасть в панику и спешно покинуть Нетск. Вот тогда-то Ваня с Володькой могли прибыть на ее квартиру и найти гору новых улик. Например, обрывки лент и кружев в беспорядочно выдвинутых ящиках комода – верное свидетельство смятения и нечистой совести. А где-нибудь под шкафом обязательно лежала бы загадочная записка, подписанная одними инициалами!

Впрочем, такая записка должна была валяться уже на ступеньках склепа, но ее почему-то там не было.

Также не было слышно, что Зося Пшежецкая куда-то подалась из города. Запутанное дело...

Тетя Анюта шла рядом и кипятилась:

– Лиза, молчи, молчи! У тебя что ни слово, то кошмар! Как только поворачивается язык лепетать, что меня приняли за шантажистку? Это чудовищно!

И она в гневе тыкала костяным острием зонтика в знойное марево, которое колыхалось над головой.

– Почему чудовищно? – удивлялась Лиза. – Было бы только справедливо заплатить нам за возврат ценной вещи. Тем более что шпильки парные, а потерять что-то одно из пары – значит потерять, по сути, и другое. Вспомните, как вы куда-то дели сережку с камеей? Ее так и не нашли. А вторая сережка валяется где-то до сих пор, и носить ее нельзя.

– Лиза, это несравнимо. И перестань во весь голос болтать на улице! Так только бабы-торговки поступают. Иди молча и продумывай свое поведение. Оно непростительно глупое. И, боже, не горбись так!

В сердцах Анна Терентьевна легонько стукнула племянницу ридикюлем по лопаткам. Это стало возможным, потому что они свернули с нарядного Нового бульвара, где стоял магазин Натансона, и углубились в тихий невзрачный переулок. Тут не было ни души. Обыватели попрятались от жары, и даже все ставни на солнечной стороне были прикрыты. Только в тени одного парадного крыльца валялась, откинув длинные седые ноги, какая-то собака. Собака вывалила длинейший язык, который дрожал от частого дыхания, и с прищуром наблюдала за воспитанием девицы из приличной семьи. Воспитание было вполне гуманным: ведь в Павловском институте за понурые плечи и непрямой стан пребольно щелкали линейкой.

Лиза ничуть не огорчилась, получив по спине ридикюлем. Можно и потерпеть! Зато тетка оказалась послушным орудием Лизиних замыслов и потащилась к Натансону. Взрослая жизнь, к которой Лиза отныне принадлежала и которая до сих пор лишь душила ее тугими воротниками и утеснительными правилами, оказалась не так уж хитро устроена. Эта жизнь поддавалась, впускала в себя, принимала за чистую монету Лизины уловки, и от этого делалось легко и весело.

Лиза снова подала голос:

– Нет, тетя, все-таки согласитесь, это совсем не глупая мысль – попробовать всучить Зосе Пшежецкой потерянную шпильку за хорошие деньги.

Теперь Лиза явнохватила через край: Анна Терентьевна остановилась и с шумом вытолкнула из ноздрей воздух. Дремавшая под крыльцом собака почуяла, что дело нехорошо, встала, подобралась и уставила на гневную тетю Анюту бессмысленные карие глаза.

– Елизавета, – тихо, но грозно произнесла Анна Терентьевна. – То имя, что ты в который раз сегодня назвала, чтобы я слышала из твоих уст в последний раз! Ты молодая девушка и должна быть вдвойне осмотрительна. Малейшая капля грязи... Да ты сама знаешь! Вернее, не знаешь, не можешь знать по своей невинности, но... Поверь мне на слово: эта особа... Молчание, только молчание! Ты не знаешь о *ней* ничего!

5

Как бы не так!

Конечно, Лизе пришлось опустить глаза и кротко проговорить:

– Хорошо, тетя. Я буду молчать.

Однако она никак не могла взять в толк, как можно не знать того, что она давно уже знает. А что представляет собой Зося Пшежецкая, Лизе было известно отлично, и по многим причинам.

Во-первых, жили Пшежецкие на Почтовой, через три дома от Одинцовых, и Лиза наблюдала с детства все семейство собственными глазами. Во-вторых, Зосина младшая сестра училась с Лизой в одном классе. Звали ее Катей, или по-польски Касей. Имя это и она сама, и ее мать произносили слегка пришепетывая, поэтому злые девочки дразнили маленькую Пшежецкую Кашей. Ее подругой Лиза не была – замкнутая Кася всерьез ни с кем не сближалась. Но и не ссорились они никогда, потому что Лиза не любила насмешек и розыгрышей, на какие были горазды другие девочки, та же Мурочка (кажется, именно она и придумала имя Каша).

Дважды в год Анна Терентьевна заходила (заезжала, как упорно продолжала она твердить) к почтенной Антонии Казимировне, Касиной матери. То были соседские визиты, поэтому приходилось принимать и визиты ответные. Ничего скучнее и вообразить было нельзя! Лиза и Кася восседали в гостиной и беседовали по-французски о погоде, чтобы старые дамы исподтишка ими любовались. Сами по себе, где-нибудь в гимназическом коридоре или на углу Почтовой, девочки говорили бы о другом – о трудностях немецких упражнений или о десятичных дробях. Впрочем, и эти разговоры долго не длились: Каша была очень серьезная девочка.

Поэтому основным источником скандальных сведений о Пшежецких, и о Зосе в особенности, была няня Артемьевна. Няня зналась со всей соседской прислугой. В этих кругах ее считали кладезем мудрости. Она давала советы, интересовалась житейскими мелочами и знала всю подноготную многих обитателей Нетска. А уж на Почтовой для нее и вовсе не было никаких тайн.

Все свежие новости Артемьевна обычно выкладывала скромнице Матреше – должно быть, с назидательной целью. Беседы велись шепотком на кухне или в няниной комнате, где стоял знаменитый сундук – такой громадный, что платья в нем лежали расправленные во весь рост. Матреша няне в ответ почти ничего не говорила, только охала и ужасалась. Любопытная Лиза обычно бродила где-нибудь поблизости. Она не столько пугалась, сколько радовалась разнообразию людских проделок.

Именно таким образом Лиза узнала, что рыжий штабс-капитан Пшежецкий, отец Зоей и Каси, не случайно утонул в Нете, заглядевшись на закат и ненароком свалившись со Старого моста, как говорили тетя Аня и Антония Казимировна. Нет, он, оказывается, перелез через высокие деревянные перила, сам прыгнул в воду и нарочно стал тонуть, хотя был отличный, бойкий пловец. А все потому, что он проиграл поручику Репкину громадные деньги. Чтобы эти деньги заплатить, надо было продать и не слишком казистый домишко Пшежецких, и мебель, и все крестики Антонии Казимировны (других драгоценностей она не признавала), и даже – это Артемьевну особенно поражало – все до последнего горшки с кухни.

Чтобы не делать этого, помраченный горем штабс-капитан утопился по дороге домой из офицерского собрания.

Маленькая Лиза очень жалела бедного штабс-капитана. Ей представлялось, что гордый Пшежецкий, как-никак до XVIII века бывший графом, больше всего горевал, что проиграл счастливцу с такой смешной и несолидной фамилией. Репкин! Лучше бы уж Репин...

Утопившись, рыжий Пшежецкий спас от разорения свое и без того небогатое семейство. Репкин оказался человеком благородным. Проигрыша с Антонии Казимировны взыскивать не стал. «Грех вдову и сирот обижать», – одобрила его Артемьевна.

Странно, но еще задолго до утопления штабс-капитана Антония Казимировна выглядела его готовой вдовой: ходила всегда в черных глухих платьях, траурных вуалетках, носила крестики, четки и какие-то могильные цепочки. Ежедневно она бывала в костеле – замаливала, должно быть, грешки своего лихого супруга.

Дома у Пшежецких тоже было по-костельному мрачно: мебель сплошь темная, аскетически-бесцветные занавески на окнах и дверях висели понуро. Пахло скорбно и сладко – погребом, в котором постоял ванильный пирог. Немудрено, что Кася была такой невеселой, а штабс-капитан стремился вон из дому – к картам. Говорят, он еще и попивал, и на Саперные езживал.

Что до Зоей, то беспутной она, скорее всего, вышла тоже от домашней скуки. Если Кася скуке вся до донышка подчинилась, Зося всегда бунтовала.

Начать с того, что Зося выросла красавицей, хотя ни штабс-капитан, ни Антония Казимировна красотой не блистали. Да и Кася получилась у них полной дурнушкой. Няня Артемьевна этому чуду природы очень дивилась. Вроде бы Зося во всем дочка своих родителей – в отца рыжевата, носик тоненький, как у Антонии Казимировны. А ведь королева девка!

Еще гимназисткой Зося показала, что королева она и есть – веселая, взбалмошная, с ума сводящая шутя, то есть сознательно и жестоко. Училась она плохо, зато плясала до упаду, голосок имела звонкий и нежный, с польским неистребимым акцентом: «я сказава, я узнава». Ни капли застенчивости она не имела и легко управлялась с целой толпой поклонников – от очень взрослых сослуживцев отца до совсем желторотых гимназистиков.

Однако в предпоследнем классе случилась с Зосей беда: она срезалась сразу на двух экзаменах, по географии и геометрии. Пересдача ей не далась. Ничего она не знала ни по каким предметам, но по этим двум особенно! Штабс-капитана уже не было в живых, и Антония Казимировна руководила воспитанием дочерей в одиночку. Наверное, она дала в костеле обет, что гимназический курс они одолеют. Поэтому летом Зося была заточена дома и за опущенными занавесками тоскливого цвета принялась зубрить непроходимо трудные предметы.

Разумеется, сама она вовек бы не разобралась в ученых премудростях. Ей в помощь Антония Казимировна наняла преподавателя начального училища Дюгазона. Этот Дюгазон, хотя родился в Сызрани, был чистый француз, что заведомо обещало ему особый успех в захолустье. Однако был он француз какой-то очень уж неудачный: низкорослый, на косых ножках и с носом настолько большим и повислым, что на него неудобно было долго глядеть.

Дюгазон был нрава угрюмого и тяжелого. Это особенно привлекло Антонию Казимировну: она желала как следует обуздать и приструнить неумную дочь. К тому же Дюгазон был католик и усердно молился в костеле, спустив нос в свою маленькую, но страшно толстую Библию. А ведь большинство нетских учителей отличались полным свободомыслием!

Занятия пошли своим чередом. К вечеру Зося иногда выпархивала на волю, побледневшая, но по-прежнему шумная и веселая. Лиза тогда слышала, как за домом Пшежецких, в заросшем садике, переходившем в пустырь, гомонили голоса – и мужские, крепкие, и юношеские, с петушиным пискотом. Плескались там, как речная рябь, гитарные переборы, хохотала Зося, а поручик Кока Леницкий декламировал из Пушкина:

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела – что котенок у печки —
И как роза румяна, а бела, что сметана...

Чей-то неприятный баритон присоединялся к Коке и подхватывал, завывая на мазурочный мотив:

Очи светятся будто две свечки!

Стоял уже август, когда Артемьевна, отослав Лизу с кухни подальше (Лиза тут же примостилась в сенях за занавеской), сообщила Матреше, что у Антонии Казимировны дочка брюхата.

Лиза, узнав такое, ужаснулась. Она сразу же подумала о Каше: та страстно любила печенье, и Антония Казимировна отбивала у дочки аппетит, рассказывая, какая она станет уродина, если растолстеет. Неужели все-таки это случилось?

Лиза хотела бежать к Пшежецким и посмотреть на Кашино несчастье, но из рассуждений Артемьевны и Матрешы вдруг поняла, что брюхата совсем не Каша, а красавица Зося. Причем не от печенья! Безжалостный носатый Дюгазон вынудил бедняжку так усердно зубрить, что у нее теперь будет маленький ребенок!

Сама Лиза училась неважно, потому и перепугалась не на шутку. Но скоро она сообразила, что геометрия ни при чем. Артемьевна о науке слова плохого не сказала, зато ругала Дюгазона кобелем, у которого в Сызрани сидит неразведенная жена. Больше всего няня сокрушалась, что королева Зося загуляла не с веселым каким-нибудь парнем, а со старым, носатым и женатым.

С того дня смолкли на пустыре за садом гитары и баритоны. Адвокат семьи Игнатий Пианович срочно повез Зоєю, тихую и перепуганную, в царство Польское, в какой-то Отвоцк. Вроде бы там при смерти лежала какая-то двоюродная бабушка Зосиной тетки и не желала испустить дух, не благословив Зоєю, которую сроду в глаза не видала. Эти сказки разносила по городу поблекшая и осунувшаяся Антония Казимировна. Многие ей верили. Однако Артемьевна точно раз узнала, что Зосе сделали в Варшаве операцию – не очень, правда, удачную. Зато никакого ребенка теперь уже не будет. Еще бы: благородная барышня не девка-чалдонка, никто ее с приплодом замуж не возьмет.

Через полгода Зося приехала в Нетск от бабушкиной тетки. Она снова сделалась розовой, ослепительной и веселой. Зося не стала ни кончать гимназического курса, ни возвращаться в родной дом, где пахло погребом, а со стен и комодов, из темных рамок, смотрели некрасивые родственники. Сняла хорошую квартиру на набережной. Туда и перенесли за нею гитары, баритоны и мазурки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.